

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Тема номера:

**Соловецкой школе —
70 лет**

**Глубокоуважаемые ветераны Соловецкой школы!
Дорогие учителя!
Уважаемая Ирина Викторовна!**

Примите наши самые искренние и теплые поздравление с 70-летним юбилеем школы!

Этот номер музейной газеты посвящен истории школы не случайно. На Соловках связь музея и школы — особенная. Исторически сложилось так, что именно поселковая школа сыграла ведущую роль в появлении на острове музея-заповедника.

В конце 1950-х гг. благодаря деятельности директора Соловецкой школы Павла Васильевича Виткова проблемы сохранения соловецкого наследия стали обсуждаться в научных и правительственных кругах, а затем были предприняты первые попытки защитить соловецкие памятники от разрушения. В 1959 году П.В. Витков добился передачи Ботанического сада Соловецкой школе. В середине 1960-х годов учителя и ученики вместе подняли серьезные труды по расчистке и сохранению Ботанического сада. Позднее именно Павел Васильевич озвучил идею создания на Соловках музея-заповедника.

В 1967 году, когда был основан Соловецкий музей-заповедник, именно учителя стали его первыми экскурсоводами. В последующие годы тесное сотрудничество этих двух центров культурной жизни Соловков развивалось. Школа всегда поставляла и поставляет для музея новые кадры, новых специалистов. В настоящее время около 50% сотрудников музея-заповедника являются выпускниками Соловецкой школы.

Мы надеемся, что наша совместная работа на благо Соловков продолжится.

Желаем Соловецкой школе процветания, всем учителям — крепкого здоровья и способных учеников, ученикам — новых знаний и открытий.

С уважением и самыми добрыми пожеланиями,
М.В. Лопаткин
и коллектив Соловецкого музея-заповедника

Коллектив учителей Соловецкой школы. 1948 г.

Школьная история: факты, люди, цифры

Предыстория

Задача воспитать подрастающее население впервые на Соловках была поставлена совхозом. Председатель совхоза П. Александровский, делопроизводитель Л. Александровская, машинистка канцелярии Фетина и конторщик П. Тупин, отказались от штатного вознаграждения за работу по канцелярии в пользу школы для детей рабочих и служащих совхоза. Сумма составила несколько тысяч рублей, и на эти деньги 20 ноября 1920 года на Соловках была открыта советская единая трудовая школа первой ступени. Финансирование и далее поступало от совхоза. Первой учительницей стала Антонина Антоновна Радченко, а из Часовенской школы Архангельской области специально перевели П.М. Горлицева, директора, вместе с семьей переехавшего на Соловки.

Школа первой ступени в 1920–21 гг. функционировала на Соловках нерегулярно. В 1921 году стала подведомственной Архангельскому губернскому отделу народного образования (Архгубоно). К этому времени у семейных сотрудников совхоза, проживающих вне лагеря, было 16 человек детей школьного возраста (от 8 до 10 лет). Детское население росло: в середине 1921 г. Губпомголом была направлена на Соловки группа детей Поволжья («татар»).

Для детей администрации лагеря в 1924 году была организована школа первой ступени «Полярная звезда». В 1925 году школа ввиду отсутствия учеников закрылась, а в 1926 открылась вновь. По воспоминаниям Каулин Нины Яновны, в 1926–27 году детей в школе было мало, несколько человек в первом классе, один ребенок во втором и два в третьем классе. На содержание школы работники УСЛОН отчисляли по три процента от месячного оклада жалованья. Учителя были из заключенных: заведующий школой — Калинин П.С. и учительница Путилова Н.М., в 1929–30 гг. — учитель Черных, 1932–33 гг. — учитель Перепечай. К 1934 году в школе «Полярная звезда» обучалось 4 группы учеников.

Школа

В 1939 году лагерными заключенными в южной части поселка были поставлены здания школы и детского сада. Именно с этого момента берет свое начало история современной Соловецкой школы.

3 ноября 1944 года на заседании исполкома Архангельского областного Совета депутатов трудящихся было принято решение об открытии 8 класса при Соловецкой школе:

«Учитывая географические особенности Соловецких островов, исполком областного Совета депутатов трудящихся решил разрешить Облоно на 1944–1945 учебный год открыть при Соловецкой школе 8 класс с контингентом учащихся 17 человек, реорганизовать Соловецкую неполную среднюю школу в среднюю школу и утвердить дополнительную смету на содержание Соловецкой школы до конца 1944 года в сумме 7750 рублей за счет экономии областного бюджета».

Директорами в тот начальный период были: Козлова Анна Павловна (до 1947 г.), Першина Анна Семеновна (1948–51 гг.), Сабуров Р.И. (1951–52 гг.), Бархатов Павел (после 1952 г.).

26 августа 1954 года вышло распоряжение о том, чтобы преобразовать семилетнюю школу в среднюю, с открытием при ней восьмого класса. Директором школы до 1957 г. была Фикисова Мария Ивановна. В 1957 г. на Соловки директором школы был направлен Павел Васильевич Витков. С этого момента школа начинает играть активную роль в сохранении соловецких памятников: впервые поднимается вопрос о создании на Соловках музея-заповедника, расчищается и благоустраивается Ботанический сад, на базе которого силами учителей и учеников открывается школьный музей.

Количество учеников в школе менялось. В начале 1950-х гг. на острове училось около 400 ребят. В 1960–70 гг. число школьников уменьшилось до 300–200 человек. В 1980–90-х гг. школу посещали от 150 до 200 детей. После вывода с Соловков военных подразделений численность учащихся значительно сократилась. В 2009 г. в Соловецкой школе обучается 89 учеников. Педагогический состав современной школы насчитывает 24 человека. Последние десять лет бессменным директором школы является Ирина Викторовна Совалева.

Подготовили: воспитатель Соловецкой школы В. Абрамова и внештатный экскурсовод СГИАПМЗ А. Шаркова

Коллектив учителей Соловецкой школы. 2009 г.

Мы хотели рассказать о Соловецкой школе «в лицах». Представленные вашему вниманию публикации разделены на четыре блока:

- интервью с ветеранами Соловецкой школы и воспоминания о них
- беседы с заслуженными учителями современной школы
- воспоминания выпускников о Соловецкой школе
- творческие работы учеников Соловецкой школы разных лет

Основа большинства предлагаемых интервью — материалы «Народного архива». Программа действует с 1992 г. по инициативе и при активном участии В.В. Глебкина, педагога Московской гимназии № 1514. Большую помощь в работе по сбору материалов оказал П.М. Леонов, в то время заведующий Соловецким радио. С 2001 г. в программе принимают участие сотрудники Соловецкого музея-заповедника. За эти годы накоплен замечательный архив материалов, который, мы надеемся, будет постепенно подготовлен к печати.

Юбилей школы стал прекрасным поводом для публикации некоторых избранных интервью, в которых личность учителя открывается в перспективе времени. Эти, казалось бы, сугубо личные истории представляются нам чрезвычайно важными. Люди старшего поколения — как последние могикане, в них есть что-то, чему невозможно научиться, но что надо обязательно знать и хранить, что-то очень важное и поучительное для нашей души.

Мария Ивановна Чистякова: «С душой в школу всегда шла»

Мария Ивановна, расскажите, пожалуйста, о своих родителях, о детстве...

Дедушек я своих не помню, бабушку только одну помню, и то очень смутно, потому что я в семье была поздним ребенком. Родители были крестьяне, жили мы в деревне... Вельский район Архангельской области, южная часть Архангельской области. Жили мы и в деревне, и в Архангельске, и в Коноше, и в Няндоме, потом в Вельске. В общем, хлебнуть кое-чего пришлось. Отец у меня столяром работал, в основном в Маслопроме, делал ящики для упаковки масла. А мама по состоянию здоровья не работала. Отец тоже болен был ревматизмом. И вот на старости лет я им была как

подарок. Мой старший брат намного меня старше, а тот, который младший — на десять лет старше, так что я в семье фактически росла одна. Жили мы по тому времени — не скажу, что очень бедно, но и не богато. И как-то так получилось году в 35-м, что у нас все описали, остались только стены одни, но родители мои на судьбу не роптали никогда.

Вас кулаками объявили?

Даже кулаками нас не за что было объявлять. А вы знаете, так получилось, что у тети цветы были шикарные, прямо как оранжерея в плетеных корзиночках красивых, и все это описали, все забрали, в общем, семью «растряхнули». Но мы как-то еще уцелели, уехали. А потом отца даже посадили на два года. Я была еще дошкольницей.

Однажды ночью к нам в дом стук, мама была страшно всегда напугана, потому что ждала какой-то неприятности. Пошла открывать, заходит председатель сельского совета, женщина, фамилию хорошо помню — Потеряева, а как зовут, не знаю. Она говорит: «Только не зажигайте свет». Она пришла и положила на стол два паспорта на маму и на брата (а в то время крестьянам паспорт не давали) и говорит: «Немедленно уезжайте. Я вашего мужа посадила, теперь и за вас возьмемся». Мы собрались в два дня. До меня еще это ничего не доходило, я ребенком была. Собрали узелок, мама в платочек завязала, что на смену, и так мы уехали в Архангельск.

Все вещи оставили?

А уж и вещей-то практически не было. Когда мы поехали в Архангельск, заезжали в зону, к отцу. В зоне такие доброжелательные люди, крестьяне в основном сидели, и мы там три ночи ночевали. И все эти дядечки так обрадовались: «Ой, ребенок в зоне!». И столько мне всяких игрушек наделали из стружек! Отец у нас посидел еще, наверно, месяца два, и его освободили.

Потом мы мотались, то в Архангельск, то в Коношу, то в Няндому — жилья нигде нет. Потом уже удача улыбнулась, мы вернулись снова в Вельск. Там нас не преследовали больше. Ну а потом, решили все-таки переехать в деревню, в свой дом, там я и росла.

Но в школу я пошла в Вельске. Повела меня мама устраивать в школу, определили меня на окраину города. Школка маленькая, четыре класса, и учительницы такие уже пожилые. Пока мама стояла у стеночки, ждала, когда закончится торжественная часть, я сидела нормально. А потом вижу: родители все уходят, а я такая какая-то... обособленная была, слишком маму любила, везде за ней таскалась. И когда мама ушла, мне, конечно, уже не до школы стало. Закончились уроки, я домой бегу на радостях. На следующий день не хочу в школу, но меня отправили. И вот так вот полмесяца была с большим опытом, видимо. Она как-то меня вызвала, приласкала: «Все будет хорошо, будешь учиться». Полгода я училась — я даже не слушала. Сидела на уроках и не слушала. Попишу там что-нибудь, а там задачи разбирают или буквы запоминают — мне наплевать было. Тогда оценки не писали ни словом, ни цифрами, а «хорошо» — крестик ставили, «отлично» — два крестика, «посредственно» — половина крестика. Ребята получают тетрадки, все радостные: «Ой, у меня два крестика...» Я тоже получила и говорю: «А у меня две палочки!». Сидела с мальчиком Юрой Палкиным, он говорит: «Да что ты, глупая, ведь это же очень плохо». Потом учительница маму вызвала, говорит: «Учить надо читать. Она ничего не знает». Ну, тут мама взялась за меня. Она меня читать, а я в сторону смотреть — не буду читать. Наугад, что услышу, ребята читают: «мышь», «рама» — я тоже повторяю. Но к Новому году каких-то результатов добились. Выдали нам после буквариков книжки по чтению. Я открыла книжку, сижу, смотрю

стихотворение, складываю: э, и, м, а — ага, зима. О, читать научилась! Обработалась — теперь я читаю! Вот так учительница умно меня направляла. А я училась в основном с детдомовцами — такие славеньские, тихенькие, хорошие ребяташки.

Тоже в Вельске?

Да, в Вельске. У нас там большой детдом был, санаторий «Глинница». Замечательное место, там и яблони, и сирень, и акации над рекой. Я с этими ребяташками дружила. Домой иногда наведу их, мама потом говорит: «Ты не води, потому что мне очень больно видеть таких ребятков». Учительница прикрепила ко мне девочку Валю, чтобы она меня считать учила. И журнальчик мне сделала — в общем, меня заинтересовала. И я первый класс закончила с одной четверкой. Во второй пошла. Но настолько я учительницу любила — я каждый день её провожала. Так она мне нравилась. Ну, чувствуется, люди с опытом, люди добрые — их четыре учительницы было, и все — такие.

А потом мы из Вельска уехали в деревню. Там я уже училась в малокомплектной школе, т.е. был третий и четвертый класс в одном классе, а первый со вторым. Мне так понравилось в этой школе учиться! Деревенская школка, очень компактная, удобная, над рекой. А потом уже в пятый класс я пошла за пять километров в школу. Все мы каждый день в шесть утра вставали, завтракали, и отправлялись в школу, за пять километров. Но как раз началась война. Такое тяжелое время. Помню, солнце было, воскресенье, и вдруг мы узнали, что началась война. И пока я в 5-6 классе училась — самые трудные, тяжелые годы были. Голод был, был неурожай картошки, и люди голодали. Вот мы за пять километров бегали в школу: иногда идешь — на обочинке лежит человек, замерз — не дошел, куда отправился. Нас заставляли и макулатуру, и металлолом собирать — нормы устанавливали. А где в деревне возьмешь металлолом? Там нет такой свалки, как здесь у нас. Бегаешь, бегаешь, потом я прихожу, папе говорю: «Пять килограмм металлолома надо сдать! Где взять?». Он говорит: «Да вот там от плуга лемех валяется. Снеси, сдай». Сходила, сдала.

Дрова в школе мы готовили сами. В пятом классе мы уже брали пилу, нам давали норму. Обычно на бригады разбивали нас по четыре человека и давали норму: раз нас четыре — четыре кубометра. С корня спилить, сучья обрубить, сжечь, корку снять и уложить. Вот так мы ходили, заготавливали четыре дня по четыре кубометра.

И обеспечивали школу. Иногда молевой лес попадал, потому что сплавляли лес по реке. Что на берега выкидывает — брали, пилили. Все делали школьники. Ну а в сорок четвертом я закончила семь классов и решила поступать в педучилище. С детства у меня была такая мечта, чтоб поступить в педучилище: хотелось учительницей быть. У нас сельхозтехникум был и лесотехнический техникум был. В общем, выбирай, куда хочешь. И поступать, знаете ли, как-то страшно-вато было. В сельхозтехникум я бы прошла сразу, даже и слов нет, там у нас знакомые были, преподаватели, но я туда не захотела. В педучилище пришла сдавать экзамены, как-то успокоилась, но конкурс был большой.

Как Ваши родители относились к Вашему выбору?

Они не возражали. Набрать надо было 150 человек, а пришло тысяча человек — конкурс был. Когда уже экзамены прошли, я пришла посмотреть список. Подхожу, ребята выходят: «Тебя приняли». Пока мы первый курс закончили, там, глядишь, и война кончилась. Но время было голодное. Ой, как было тяжело учиться. Нам давали по пятьсот грамм хлеба, на карточках написано: и соль, и крупа, и песок грамм четыреста — ничего нам не давали, только вот эти пятьсот грамм хлеба. И то еще часто бывало так: стоишь в очереди, подходит твоя очередь, а хлеб кончился. Говорят: «Завтра отоварим». Завтра приходишь — а нет, уже вчерашняя карточка пропала. Или еще: возьмешь хлеба, пока с одного конца города идешь на другой — я у брата жила — тут отщипнешь, тут отщипнешь, к дому подходишь — уже все и отщипнула. Ну, благо еще картошку родители присылали, да грибов. Наготовишь. Это спасало, но жили, конечно, голодно. Стипендия на первом курсе у нас была 80 рублей, на втором — сто двадцать, а на третьем — сто восемьдесят, мы считали, что это уже большие деньги.

А хлеб сколько стоил тогда?

Хлеб тогда недорогой был, рубль-пять, по-моему, стоил килограмм. Еще как-то из стипендии урывали и в кино сбежать, 20 копеек билет был. И в кино, и на танцы. Нас готовили все-таки учителями, культуру нести должны были. Нас везде толкали: надо туда, надо сюда. В педучилище мне, конечно, очень нравилось: там вечера устраивали тематические. Преподаватели замечательные были — вспоминаешь с добрым сердцем. Ну, действительно подготовили, закалку хорошую дали. А в сорок седьмом году, когда наш курс закончился, нас распределили всех по Архангельской области.

Пришел запрос с Соловков, а у меня здесь родная сестра жила в то время. Поэтому я согласилась ехать на Соловки. В 47-м году поезда ходили плохо, и родители нас с двоюродной сестрой посадили на товарник. Шел товарник с Воркуты, вез уголь. Вагоны такие высоченные... Мы туда и забралась. Какой-то парень сел еще к нам, наверх, на уголь. Вздремнули. Просыпаемся на какой-то станции, солнце светит, я говорю: «Ой, целую ночь ехали, мы, наверно, куда-то вообще уехали, а нам до Коноши надо только». А парень тот, видимо, бывалый, да постарше нас, сбежал, узнал, говорит: «50 километров от дома отехали. Ну, до Коноши мы доедем, а там нас арестуют». Подъезжаем, вдруг милиционеры залезают в вагон, сняли нас и в милицию поволокли. Они расспрашивают, мы объясняем. Они и говорят: «Ну что, год Воркуты или двести рублей штрафа?». А денег у нас нет. Целый день они нас держали, потом паспорта нам отдали и — молодцы милиционеры — все-таки посадили в поезд. Приехали в Кемь. Ой, как я глянула на эти камни, думаю: куда меня понесло? В такую даль. Сели мы на обыкновенный буксир, все бывалые разбежались — кто в кубрик, кто в салончик, а мы ничего не знаем, уселись у трубы, сидим. Замерзли до костей! Первого сентября (это мы целую неделю с Вельска до Соловков добирались) слезли мы с парохода, пошли сестру искать. Нашли, я только ноги вытянула — директор бежит: «Приехала учительница?» — «Приехала». — «Пошли оформляться».

Тут же меня с корабля и на бал, оформляться пошла. Прихожу, заявление пишу, слезы в три ручья, думаю: «Не хочу я тут работать! Не хочу я жить, заявление напишу — отсюда вообще никуда не уедешь!» Заявление написала, она меня в класс толкнула: «Вот ваша учительница». Как уж я уроки вела, что там говорила — я не помню. Еще и ума не было, и никакого, знаете ли, опыта не было еще, восемнадцать лет только-только должно было исполниться... Ну и приступила вот так к работе.

Конечно, мне было трудно первое время. Посмотришь на жен офицеров — они и одеты хорошо, и все-таки в обществе вращались, а мы что? Но такой коллектив был славный, они как-то с душой отнеслись, не выкинули меня, помогли во всем. Но тут я только месяц отработала, а женам офицеров уезжать нужно. Меня директор школы попросил: «Поработай еще с третьим классом». Слили два класса, сорок два человека получилось. Я говорю: «Ну как я, в две смены что ли работать?» Мне говорят: «Да недели через две учителя пришлют,

так мы тебя освободим». Я согласилась. А какого там учителя пришлют, когда навигация закрываться должна? И я вот целую зиму работала в две смены. Первый класс и третий класс. Хватило всего. Иногда закончу вторую смену, приду в учительскую, вот так на стол упаду и зареву. Директор придет: «Ну что ты ревешь-то?» Говорю: «Да, Анна Павловна, надоело мне, и времени свободного совсем нет» Она: «Не волнуйся, вот как только у Зайчиков увидишь море — значит, скоро навигация откроется, и домой поедешь». Уговорит опять меня... Дети в третьем классе были в основном переростки. Дети войны: по 12 лет, по 13 лет. Но ребята, конечно, мне очень нравились. Они, во-первых, были очень скромные, дружные и каждый был занят своим делом. Трудное было время после войны, плоховато жили, и дети летом трудились. Здесь, на Соловках, рыбалкой увлекались. Хулиганства особо не замечалось, ребята были серьезные, ответственные. Игрушек особых не было. Но третий класс мне достался очень хорошей. Возможно, благодаря учителям, которые их подготовили, благодаря их трудолюбию. Одних отличников было четыре или пять, хорошистов было много, в общем, ребята учились, и учились с желанием. Особенно мне нравился Дияшев Борис, я все думала, что он далеко очень пойдет. В математике сильный был, в третьем-четвертом классе такие трудные задачи решал, но был непоседа ужасный. Сидел, а нога у него все время в проход высухнута. Ну а задачи моментально решал, ребятам дашь задачи, а он: «Мария Ивановна, я вам сейчас и ответы, и решения — все дам!». Называешь задачу, а он уже решил. Умный парень был. Но семья, знаете ли, была не особо обеспеченной, отец работал столяром, получал мало. Мать не работала, в общем, парню учиться дальше не привелось. Многие девочки врачами стали. Способные ребята. Кое-кто стихи писал. В общем, класс был замечательный. Я их до сих пор вспоминаю.

В первом классе — тридцать два человека, ребятки пришли уже не переростки, тоже скромненькие такие. Знаете, эти ребятки походили на деревенских ребят, одевались скромненько. Многие ученики мои бывшие уже ушли в мир иной... И вот, знаете ли, год проработала, и ничего, нормально, в отпуск поехала, сияющая, сверкающая.

А можно было ребятам подрабатывать как-то?

Ну, кто-то мог и подработать как-то. Но порядок, конечно, был на Соловках. Вот не скажешь, что ребята бросали на улице фантики, бумажки или бутылки какие-то. Этого не было. И стекла не били. У тех ребят, видимо, рука не поднималась бросить камень кому-то в стекло.

Ну а летом ребята работали на Хуторе Горка. Хутор Горка для музея сохранился благодаря детям, благодаря школьникам. В то время это место в запущении пришло, но тогда у нас была биолог Мария Ивановна Андреева. Создали бригады и ребята работали по неделе. Труд был адский, конечно. Насоса не было, а попробуйте с озера воду поднимать к этому дому. Ребята носили ведра с водой и навоз носили на носилках, пололи, ухаживали. В общем, трудились, как говорится, не покладая рук.

Выращивали и капусту, и репу, и укроп. Очень много было малины. Малина, видимо, как при монахах сохранилась, рядочками была поставлена. Ребята ходили, собирали малину. Но Мария Ивановна не разрешала ребятам малину есть. Я говорю: «Ребята, вы тихонечко к кусту, поешьте, ну и баночку поллитровую принесите с собой, наберете, дома родителей угостите». Шиповник собирали. Варили варенье и потом делали Праздник урожая, угощали ребят своими продуктами. Картошку садили, хорошо все росло, очень. Но труд, конечно, тяжелый. Машины не было, никто нас не возил, все это пешком. В общем, ребятки потрудились. Многие вот до сих пор вспоминают. И нравилось им. Нравилось трудиться.

Мария Ивановна, я всегда спрашиваю, а вот в конце сороковых - начале пятидесятых, чем писали, на чем писали?

Писали обыкновенной ручкой перьевой. У меня где-то сохранились перья. В основном писали перьями, 86 номер назывался. Писали в тетрадочках, в каждой клеточке. Но писали крупными буквами в эти две клетки. Неудобно, конечно. В каждой тетради — промокашечка. Разводили чернила иногда из химического карандаша. Технички разводили и разливали чернила. Дежурные утром приходили и чернилницы разносили по партам.

Парты были не как теперешние. За этими партами так удобно, так комфортно сидеть было. Спинка такая удобная была, стульями не гремели.

Доска была на стойках, крутилась вот так вот. На одной стороне разлиновка в клеточку была, а на другой в линейку, для письма. Ну, вроде, и удобно казалось, писали мелом обыкновенным.

А линейки, циркули были?

Линейки, циркули были, но покупали дети сами, не в школе... Буквари тоже сами покупали, книжки — все дети покупали сами.

Перед уроками зарядку утром делали, выходили во двор и делали зарядку. Спортзала, как такового, в то время, когда я приехала, не было. Был класс отведен один. Кроме мяча почти ничего больше не было. Зимой — лыжи, конечно, вырочали.

А лыжи покупали или сами делали?

Лыжи покупали, да еще с таким трудом, да такие примитивные, можно сказать — доски, а не лыжи. У кого получше загнуты, то это считалось вообще за счастье. Ребята играли также в футбол. Так мяч-то достать было тоже проблемой, а в футбол ребята играть любили. Один раз я на площадке работала, и пошли мы к электростанции, на стадион. Мальчики там играли в футбол, а девочки были заняты своими куколками. И вот мальчикам хочется играть в футбол, а никто на ворота не идет стоять вратарем. Спорили, спорили — всем надо нападающими быть. Я говорю: «Давайте, ребята, я буду вратарем». Ой, они так обрадовались! И забили нам семь голов. Пошли мы домой — они так ругались, а фамилию-то мою и имя не называют, неудобно было. Я говорю: «Ребята, так вы сами виноваты. Поставили бы вы меня нападающим, а кто-нибудь бы был вратарем!» Так интересно — и спорят, и ругаются, а назвать меня не называют.

А в кино здесь дети ходили?

Да, кино сюда привозили. Где сейчас Агар-завод, раньше был Дом краснофлотца. Внизу очень большое фойе для танцев, а наверху — кинозал. Привозили фильмы, и взрослые ходили, и детские сеансы были. Ребята в кино ходили с увлечением, конечно. Потом столько разговоров было.

Обычно после фильмов мы в классе беседовали, обсуждали увиденное. Театры приезжали, оперы были. «Травиата», опера Верди. В общем, ребятам было чем заняться.

Ребята были такие, что и на помощь могут прийти. Учился у меня Саша Новиков. Хороший парень, но иногда так «психанет», заревет. Я говорю: «Саша, да ты хоть в классе-то не реви». А был тут у нас такой Лева Григорьев. Поехали они на рыбалку, на Секирку. И у Саши нечаянно выстрелило ружье и поранило ногу Левы. До Секирки далеко же! И вот Саша, третьеклассник, в одних носках оттуда с Секирки прибежал за скорой помощью, телефонов тогда ведь не было. Потом ему была награда от «Пионерской правды», напечатали о нем и грамоту ему послали.

А сочинения писали?

Писали, начиная со второго класса. Умных ребят было много. Например, тогда в классе, где Новиков Саша учился, было 45 человек. Тогда сказали — делить бы надо класс, а директором был Геннадий Сергеевич Кожевин и он сказал: «Хоть сорок семь будет — делить класс не будем!». У меня у доски место было только повернуться. И вот все ребятки были умненькие, много отличников. Одно удовольствие было работать. Чем мне нравились ребята, это что они прямо выскажут мне, в чем я не права, что не так. Настолько прямолинейные были.

Саша Новиков всё любил наделать самолетики. Выйдет в коридор, коридор там длинный был, и эти самолетики кидает. Стоит одному начать — вся школа заводится. Я говорю: «Саша, не делай больше самолетов! Наиграйся дома!». «Хорошо», — говорит. Только я выйду — он опять. «Ну, — думаю, — ладно, я тебя сегодня проучу!» Оставила его после уроков, принесла стопу тетрадей и говорю: «Вот отрывай по листочку и делай самолетики. И все тетради переделай на самолетики. Хорошо только пальцами проглаживай!» Вот он сидит, сначала с азартом делал, потом смотрю — ручки-то еле шевелятся. Говорю: «Ну, как, Саша?» Он: «Больше не буду делать!». Я говорю: «Ну и молодец!»

Мне так нравилось с первоклассниками работать! Был такой Валера Коляда. Где-то в шестидесятые. Такой аккуратненький мальчик! Но в тетрадях — крупные буквы и везде пальцем натрет. Вроде работа правильно выполнена, а грязи — куча! Ставлю, скрепя сердце, «три» и рядом пишу — «Не три!» Раз пишу, два пишу. А он всё мне трет. Потом подходит и говорит: «Так скажите, какую вы мне всё-таки оценку поставили?». Он понял, что «Не три» — это вроде как «тройка» поставлена, но в то же время и не «три».

А кем он потом стал?

А он закончил АЛТИ, инженер. В Пскове живет, приезжает иногда сюда. Встреча была, так многие приезжали ребятки.

А кто-нибудь журналистом или редактором стал?

Ну, редактором — нет, а вот был такой Валера Пичугин, тоже — такой непоседа! Я обычно в первом классе спрашиваю, кто кем хочет быть. Так интересно их слушать. Он говорит: «Я буду летчиком, только летчиком». Я говорю: «Ну конечно, будешь, будешь учиться, заниматься». Стал летчиком. Но погиб. На Дальнем

Востоке. Служил, закончил военное училище, а привезли, похоронили здесь.

Девочка тут была, училась вроде так, слабенько в школе, на троечки, закончила, стала учительницей средних классов, математику вела. «У меня, — говорит, — не спишешь». Я говорю: «Что? Сама списывала, а другим не даешь?».

Мария Ивановна, а кем действительно хотели стать дети в 50-е, в 60-е годы? Заметна какая-нибудь эволюция наиболее характерных желаний?

Космонавтикой увлекались многие после полета Гагарина. «Я буду космонавтом». А до этого кто-то — воспитателем детского сада, кто-то — шофером, кто-то — столоаром. Такие профессии расхожие. Не так, чтобы у них какие-то высокие запросы были.

Был у меня Костя Броневицкий. Хороший паренек. Это уже в 80-е годы. Его двоюродный дядя был командиром всего отряда. Очень хороший человек. Ну и конечно, требовательный, строгий. Этот племянник сюда приехал, и Костя, сын-то их, попал ко мне в класс. И этот Костя умненький такой был, такая чистенькая, свеженькая головка, но зрения совсем почти нет. Пишет в тетради крупными буквами. Начинает здесь, заканчивает уже там. Я его оставляю после уроков, говорю: «Костенька, давай после уроков ты один потихонечку напишешь, и все». Устные предметы хорошо у него идут, математика хорошо, да и русский хорошо, но не видит, где писать. Оставался после уроков, вроде было желание. Но подходит ко мне один раз и говорит: «Все, Мария Ивановна, я на Вас принес указ». Я говорю: «Какой указ?». — «А вот сейчас достану». Достает, на бумажке на машинке напечатано (сам видимо печатал): «Мария Ивановна! Костю Броневицкого больше после уроков не оставлять!». И роспись. Я говорю: «Ну все, Костя, раз уж указ ты издал, можешь не оставаться после уроков». И в прошлом году я иду с дочерью из леса. Вижу — идет солидный мужчина, с женщиной: «А вот Мария Ивановна». Думаю: «Откуда он меня знает?». Такой полный, черная, какую монахи носят, сутана. Я подхожу, он меня обнимает, целует, А я говорю: «Я не знаю, кто Вы». — «Да Вы что? Любимого ученика не узнаете? Костя Броневицкий». «Костя Броневицкий, — говорю, — в жизни бы тебя не узнала. Как ты?». «Тележурналист, — сказал, — по вере». И жена его — тоже журналист.

Таких ребят много было, умников. Даже вспоминаю, хулиганов не было никаких.

Шалуны были, но шалость — это естественно. Ребята никакой подлости не сделают. Пошалить — пошалят. Шалость надо уметь принять.

В школе мне нравилось работать, конечно. С ребятами я вроде бы ладила всегда, даже эти хулиганишки все ко мне всегда хорошо относились. С душой в школу всегда шла, всегда с душой, мне нравилось в школе работать. Ну, много всяких, конечно, было событий. Так бывало иногда уработаешься, да еще на руках у меня семья была, трое детей — два сына и дочь, муж военный.

Вы поженились здесь уже, на Соловках? Да, здесь, на Соловках судьба свела. Может, я бы где-нибудь в Вельске жила сейчас, а вот осталась на Соловках. Муж мой сначала срочную служил, а потом, в сорок пятом году, получил направление сюда, в Школу связи. На сверхсрочную остался, и вот мы с ним тут познакомились. Это, конечно, люди были такие, что уважения требовали — они прошли войну. Он все четыре года на фронте был, в конвоях, бороздил Баренцево море, Белое море.

Вначале думала: все это несерьезно, не собиралась замуж. А он, видимо, оказался настойчивее меня, и, в общем, мы в сорок девятом году поженились. Поженились, в семьдесят первом году демобилизовался, и мы остались здесь.

Но раз детей было трое да он... — вертеться, крутиться приходилось, конечно. Надо и на работу, надо и семью накормить. Встанешь в шесть, ляжешь где-то в двенадцать, иногда так уработаешься, так эти тетради упрощаешься... Один раз вздремнула, посмотрела — «шесть» поставила вместо «пять»!

За своими ребятами как-то я не смотрела, они у меня не хулиганистые росли, учились нормально, младший сын — тот спортом очень увлекался, лыжами, рыбалкой. Я в школу приду, журнальчик иногда полистаю, проверю: «Как, ребята, учитеесь?». Один раз на педсовет пришла, хожу, ищу журнал шестого класса, думаю: «Где журнал, куда делся?» А потом классный руководитель сына Валеры говорит: «Куда тебе журнал-то шестого класса?» Я говорю: «Как куда? Хочу посмотреть, как Валерка у меня учится». Он: «Мария Ивановна, так ведь он у вас в седьмом уже!» Я говорю: «Вот так, слежу за ребятами!» Ну, хорошо, что учились нормально. А потом закончили школу, все разъехались.

Светлой памяти Марии Андреевны Лобановой

Мария Андреевна Лобанова проработала в соловецкой школе более полувека и стала первой учительницей для нескольких поколений соловчан.

Мария Андреевна Лобанова родилась в 1927 году в деревне Пильегоры, рядом с Пинегой. Ее мать — Анастасия — была из обеспеченной семьи, а отец — Андрей — из очень бедной. В семье было четверо детей — Александр, Мария, Зинаида и Клавдий. Мария Андреевна родилась после Александра. Вместе с сестрой Зиной они рассказывали, что школа была в другой деревне, и туда надо было добираться на лодке.

Вспоминает Л.А. Сухих: «Т. Зина все время рассказывала (а она была побойчее, а Мария Андреевна поскромнее), что она прибежит к лодочнику, лодку толкает первая и говорит: «Маша, заходи». Она была помладше, но опекала Марию Андреевну».

А дальше вышло наоборот...

В 1943 году Мария Андреевна закончила 8 классов в школе № 19 г. Архангельска. В начале 9-го класса учеников спросили: «Кто желает учиться на учителя начальных классов?». И она подняла руку и пошла. Окончила в Архангельске годовые курсы и приехала на Соловки в октябре 1944 года.

Л.А. Сухих: «Ну и пришла она в школу. Маленькая, стройная, с толстой косой. Директор говорит: «Девочка, ты в какой класс?» Она отвечает: «Я — учительница».

Она начала работать, когда в стране шла Великая Отечественная война. Поэтому в школе дети были в основном переростки. И бывало, что Мария Андреевна учила деток всего на пять лет младше ее самой. Ей семнадцать, а ее ученикам — по 12-11 лет. И не смотря на внешнюю хрупкость, характер у нее был очень сильный, и дисциплина на ее уроках была железная с самого начала.

Вспоминает А.П. Яковлева: «Мария Андреевна очень много помогала мне, неопытной и юной учительнице, приехавшей в Соловецкую школу после окончания института. Для классного руководства мне дали класс, который из начальной школы выпустила Мария Андреевна... Она была требовательной, но требовательность эта была во благо детей (это я поняла не сразу). Ученики ее были организованны, любили учиться, Мария Андреевна много времени и сил тратила на то, чтобы приучить детей к систематическому чтению, учеников ее классов отличал красивый и ровный почерк... Не счесть, сколько раз Мария Андреевна помогала мне усмирять не в меру разошедшихся четвероклассников. Едва Мария Андреевна переступала порог класса, где веселье било ключом, там воцарялась мертвая тишина, а дети сидели с умными и сосредоточенными лицами. Для меня это было настоящим чудом. Все помнят Марию Андреевну как очень строгого учителя, но за внешней строгостью скрывалась огромная доброта и большая любовь к детям. Она жила школой до последних дней своей жизни. Для всех учеников находилось место в ее сердце, всех она помнила, обо всех говорила с большой любовью. Она хотела еще работать с детьми, мечтала, что будет помогать готовить пасхальное представление. И еще она была требовательной не только к другим, но в первую очередь к самой себе».

Отработала она в соловецкой школе 56 лет. Все, кто сотрудничал с ней, говорят о ее самом серьезном отношении к своему делу. Она постоянно стремилась к повышению своего профессионального уровня, покупала много специальной литературы, занималась самообразованием.

Л.А. Сухих: «Сегодня перебирала фотографии, какие были на столе (дома у Марии Андреевны — ред.). Лежит бумажка, на бумажке написано: «М. В. Ломоносов ввел в русский язык следующие слова...» Видно, по телевизору увидела. Вот уже человек в таком возрасте был, а все равно стремился что-то узнавать. Если она что-то узнает, то обязательно придет, расскажет».

И так же внимательно Мария Андреевна относилась ко всему в жизни.

Вспоминает М.И. Чистякова: «Очень чуткая была Мария Андреевна к чужому горю. Или уж у нее вот так в крови, что все помогать, помогать, помогать... Я тут как-то заболела, помню, еще первый год как замужем была. И в школу не иду, и плохо мне, и, в общем, лежу и лежу. И никто не навещает... И первый, кто меня навещал — это Мария Андреевна».

После смерти жены своего родного брата Клавдия Мария Андреевна взяла на воспитание двух его детей: Галю и Сашу. Галя тогда еще в школу не ходила, а Саша закончил 2-й класс. И она обоих поставила на ноги, дала медицинское образование.

Еще у Марии Андреевны была в Архангельске тетя Анфиса. После смерти единственного сына Анфисы Мария Андреевна, как могла, поддерживала свою одинокую родственницу. Позднее т. Анфису парализовало, и Мария Андреевна взяла ее к себе, на Соловки. Тогда у нее на руках уже было двое маленьких племянников. Сестра Марии Андреевны, Зинаида, приехала на Соловки после смерти Анфисы. Зинаида была сильно больна, и Мария Андреевна много ездила с ней по врачам и ухаживала за ней многие годы.

М.И. Чистякова: «Я все вспоминаю слова Геннадия Сергеевича Кожевина: «На такие хрупкие плечики и столько свалилось горя».

Многие черты характера, свойственные людям поколения Марии Андреевны, проявились у нее с особой силой и ясностью. Это доброта, порядочность, честность, цельность личности — словом все то, чего нам часто не хватает в XXI веке.

М.И. Чистякова: «По ее внешнему виду она казалась хрупкой такой, а внутренний мир у нее был очень крепкий, очень крепкий. Она ко всему серьезно относилась и если что-то пообещает сделать, то она

обязательно сделает, если она сказала, значит, будет так».

Л.И. Смирнова: «Жила Мария Андреевна скромно, нестяжательно. Умела обходиться в жизни малым, но имела большое сердце, сострадательное к людям».

К вере Мария Андреевна пришла постепенно. Сначала она ходила в церковь по просьбе своей сестры Зинаиды – свечу поставить, записку подать. А потом сама стала ходить в храм.

Л.И. Смирнова: «Мария Андреевна полюбила Богослужения, старалась часто исповедоваться и причащаться. Готовилась к исповеди тщательно, прочитывала все каноны загодя. И сокрушалась, если по причине нездоровья не могла быть на Богослужении».

Л.А. Сухих: «Причем человек был истинно верующий. Вот если ей надо прочитать в этот день от и до – она прочитает. Плохо чувствует или хорошо – она все равно прочитает. Придешь к ней, у нее давление, таблетку выпила, полежать надо. А она говорит: «Нет, я в церковь пойду, мне там легче». И придет с церкви, скажет: «Как хорошо в церкви было, много народа»... Один раз прихожу к ней как-то днем, сидит, читает какую-то книжицу – что-то о грехах, и плачет, вся в слезах. Я спрашиваю, что случилось. Она говорит: «Ты знаешь, я ведь вся в грехах. Я же ведь не знала, что этого нельзя делать». Т.е. она каждую строчку пропускала через себя».

Для всех смерть Марии Андреевны стала большой неожиданностью. Еще в воскресенье она была в храме, в понедельник заходила к своим соседям, а во вторник ее не стало.

А.П. Яковлева: «Я видела, как трудно, почти невозможно, было для нее ходить в храм в последние месяцы жизни. Можно было спокойно оставаться дома. Но, пересиливая себя, очень медленно, со многими остановками она шла в церковь в дождь, в пургу, в гололед. Потом, так же медленно, – обратно. Наверное, путь казался ей очень длинным. Это были последние уроки Марии Андреевны, уроки для всех нас».

Раиса Денисовна Сысоева:

жизнь и судьба

Раиса Денисовна Сысоева (в девичестве Жеребцова) родилась 15 сентября 1915 г. в Петрограде в многодетной семье. Родители ее – крестьяне из Белоруссии – в начале двадцатого века переехали в Петербург. Несмотря на материальные трудности, они смогли дать детям хорошее образование и воспитание, приобщили их к культуре. В 1924 г. Раису Денисовну принимают в хоровое училище при Ленинградской Капелле, дирижером и руководителем которой с 1902 г. был выдающийся деятель музыкальной культуры М. Г. Климов. Зимой 1927–28 гг. хор Капеллы гастролировал по Германии, Италии, Латвии, Швейцарии. В состав взрослого хора входил детский хор, участницей которого была и совсем юная Раиса Денисовна. О том, какой успех имели выступления хора за границей, могут свидетельствовать дневник М. Г. Климова и отзывы зарубежной прессы того времени. Восхищенные отзывы иностранной прессы – это не главное. Важно то, что в таком удивительном коллективе под руководством настоящего мастера своего дела начала свою музыкальную жизнь Раиса Денисовна Сысоева и, наверное, совсем не случайно впоследствии она сама стала настоящим деятелем искусства.

В 1932 г. Раиса Денисовна закончила хоровое училище и в 1933 г. поступила на рабфак Ленинградской консерватории (класс скрипки). Рабфак был предназначен для подготовки молодежи к поступлению в высшие учебные заведения. Раиса Денисовна мечтала стать музыкантом.

Одновременно она работала учителем музыки в школе №7 г. Ленинграда, пела в хоре церкви Пресвятой Троицы в Лесном. Времена были суровые и в апреле 1935 г. хор церкви Пресвятой Троицы был полностью арестован, а все его участники осуждены по статьям 58–10, 58–11, что значило – «контр-революционная группировка» и «антисоветская агитация». Раиса Денисовна Жеребцова была приговорена к трем годам лагерей. Трехлетний срок своего заключения она отбывала в Медвежьегорске, где действовал театр Беломоро-Балтийского комбината (ББК) при НКВД СССР, строившего знаменитый Беломорканал. Раиса Денисовна работала в симфоническом оркестре при этом театре. Даже здесь, в условиях лагеря, она не изменила музыке. За короткое время из группы вторых скрипок она прошла путь до дирижера симфонического оркестра, что говорит о недюжинной силе духа, о завидной целеустремленности и любви к искусству этой мужественной женщины. Есть предположение, что Раиса Денисовна Сысоева была первой в СССР женщиной – дирижером симфонического оркестра. К большому сожалению, отсутствие систематизированных данных о работе театров в структуре НКВД не позволяет определить это однозначно.

В декабре 1938 года закончился срок наказания Жеребцовой Раисы Денисовны. Срок закончился, а ссылка – нет. Далее отбывать ссылку предписано было в Казахстане. Документы были отправлены и... затеряны. По воспоминаниям Надежды Александровны Сысоевой (младшей дочери Раисы Денисовны), Раиса Денисовна с группой других ссыльных стояла уже у железнодорожного состава, подготовленного для отправления их к дальнейшему месту ссылки, и уже началась посадка в вагоны, как вдруг Жеребцову отделили от группы и увели. Казахстанская ссылка Раисы Денисовны в конечном счете не состоялась. Но одновременно и проживание в крупных городах, в том числе и в Ленинграде, было запрещено. И тогда Раиса Денисовна остается работать в Медвежьегорске вольнонаемной. Здесь были люди, которым она была нужна, здесь ее знали и любили. В связи с образованием в 1940 г. Карело-Финской ССР театр НКВД был переведен в Петрозаводск и преобразован в республиканский театр музыкальной комедии.

После начала Великой Отечественной войны Раиса Денисовна получила приглашение работать в Учебном отряде Северного Флота, который с 1939 г. базировался на Соловецких островах. В 1942 г. Раиса Денисовна появилась на

Соловках с решением пробыть здесь несколько месяцев. И опять судьба распорядилась иначе. С января 1942 г. жизнь Раисы Денисовны Жеребцовой стала неотъемлемой частью истории Соловков. Здесь она нашла и свою судьбу, здесь родились у нее две дочки. Если период с 1936 по 1941 гг. отмечен творческими достижениями Раисы Денисовны как дирижера симфонического оркестра, то соловецкий период прежде всего характеризует большой объемом подвижной работы музыканта-педагога. Четверть века работала Раиса Денисовна в Доме Флота сводного Учебного отряда и дивизиона, где руководила огромным — в 150–200 человек — хором и вела различные кружки. В годы войны она работала также в школе юнг, которая располагалась на острове в 1942–44 гг. Для многих учеников Раисы Денисовны именно занятия в ее хоре стали первой ступенью профессионального музыкального образования. Достаточно упомянуть юнгу Бориса Штоколова, который впоследствии стал знаменитым оперным певцом. Это ли не признание высокого мастерства! Но главное, конечно, заключается не в числе подготовленных Раисой Денисовной будущим музыкантов. Главное — создание атмосферы сопричастности с прекрасным, которая сопровождала занятия хора.

В 1958–59 гг. Раиса Денисовна Сысоева осуществила поистине уникальный замысел: поставила на острове оперу «Евгений Онегин».

С 1955 г. Раиса Денисовна Сысоева работала также учителем пения в Соловецкой средней школе. На острове есть семьи, два-три поколения которых учились музыке у Раисы Денисовны не только на уроках пения, но и в организованном ею хоре. Среди таких семей можно назвать семью Насоновых, Ситниковых, Бурмаковых, Приходько, Третьяковых, Усовых. Раисой Денисовной готовились целые программы праздничных концертов с обязательным выступлением солистов и хора. Наверное, нет ни одного соловчанина, который бы не пел в хоре Раисы Денисовны. Репертуар был огромен: от оперных партий и романсов до народных и патриотических песен.

Вспоминает Любовь Ивановна Смирнова, учитель Соловецкой средней школы (ныне пенсионерка)
Концерты для соловчан были событиями. Тогда не было в каждом доме телевидения, фильмы в поселковом клубе часто показывали одни и те же. Поэтому каждый концерт собирал в зале практически все население поселка от мала до велика. Особенно запомнились концертные программы, проходившие в Доме Флота (здание агарового завода). Сцену

закрывал тяжелый бархатный занавес. Всю сцену занимал хор. Создавалось впечатление, что там стояло примерно полтысячи человек. Раздавались оваации — и появлялась Раиса Денисовна: всегда красивая, строгая, изящная. Нам, детям, она казалась феей. А на острове ходили слухи, что она из графской семьи: так не похожа она была своею осанкой, сдержанностью, умением держать себя на сцене на всех остальных наших артистов. Было что-то в ней особое, присущее только высоко культурным, интеллигентным людям.

Я очень благодарна Раисе Денисовне Сысоевой. Она сумела привить любовь к музыке не только мне, но и моим дочерям. Она воспитывала поведением, выступлениями, отношением к музыке. Она умела вселить в человека уверенность, что у него все получится и что именно его голос так необходим в хоре.

Когда я начала петь в хоре Раисы Денисовны (после окончания института в 1972 году я приехала учителем математики в Соловецкую среднюю школу), то всегда поражалась, насколько она трудоспособна и преданна своему делу. Раиса Денисовна назначала репетиции по голосам с утра и до поздней ночи. Мы уставали, ворчали на нее, бывало, уходили с репетиций, а она продолжала работать, поддерживая нас похвалой или шуткой. Это был удивительнейший человек, тонко чувствующий и понимающий юмор. У нас, хористов, складывалось впечатление, что она совсем не кушает: ведь одни партии уходили, на смену им приходили другие, а Раиса Денисовна без устали и перерыва занималась и занималась.

Конечно, в соловецком хоре не было у Раисы Денисовны профессионалов, и часто пели даже те, кому, как говорится, «медведь на ухо наступил». Но Раиса Денисовна умела работать с людьми, умела внушить человеку, что он замечательно поет. Даже инструмент она подстраивала под наши голоса на полтона ниже, переписывала все партии, украшала их. Она поистине великий человек, и соловчанам повезло, что такой талантливый МУЗЫКАНТ и УЧИТЕЛЬ посвятил свою жизнь этому острову.

Вспоминает Егорова Александра Владимировна, пенсионерка
Я тоже бесконечно благодарна Раисе Денисовне. Именно занятия в ее хоре дали мне такой заряд бодрости и жизнелюбия. Я научилась понимать музыку. Голос-то у меня несколько зычный. Мы считали, что чем человек громче поет, тем оно лучше. Помню, Раиса Денисовна все говорила мне: «Шурочка, потише» или «Шурочка, помолчи, послушай-ка вот того-то». Я не

обижалась на нее. Наоборот, прислушивалась к другим, начинала петь чище. Интересно, что пение в хоре репетициями не ограничивалось. Как бы мы не уставали, но, придя домой, обязательно непроизвольно начинали петь свои партии. Я до сих пор помню и пою песни, которые когда-то разучивала в хоре Раисы Денисовны.

Вспоминает Постоева Елена Алексеевна, учитель Соловецкой средней школы

Можно бесконечно много говорить о вкладе Раисы Денисовны Сысоевой в воспитание подрастающего поколения. Мне довелось быть ученицей Раисы Денисовны, когда я была школьницей; работать с Раисой Денисовной, когда я была пионервожатой Соловецкой средней школы; и, наконец, петь в хоре Раисы Денисовны.

Помню, в классе седьмом у нас шел объединенный урок пения и немецкого языка. Мы разучивали песни на немецком языке. Класс у нас был большой, под сорок человек. Было довольно трудно угомонить такую ораву. Я, как примерная ученица, слушала Раису Денисовну и пела «Ein Sonnenkreis». Голосок у меня был тихий, тоненький и, как я считала, никудышный. И вдруг Раиса Денисовна жестом остановила ребят и сказала: «Послушайте, как чистенько она поет». Это было высшей похвалой.

В годы работы пионервожатой в школе мне посчастливилось вместе с Раисой Денисовной готовить и проводить множество мероприятий, праздничных концертов, сборов и так далее. И все, за что бы ни бралась Раиса Денисовна, проходило «на ура». Это были праздники музыки и творчества!

Хотелось бы еще рассказать о том, как Раиса Денисовна искала для хора голоса. Если появлялся рядом какой-либо новый человек, он имел значение для Раисы Денисовны именно своим голосом. Так, однажды мне в школу позвонил муж. К телефону подошла Раиса Денисовна. Позвав меня, она сказала: «Леночка, Вам звонит изумительный тенор. Он обязательно должен петь в нашем хоре».

Вспоминает Сухих Лидия Александровна, учитель Соловецкой средней школы

Мне особенно запомнились концерты, в программу которых входил «Полонез» Огинского. До Раисы Денисовны я и представления не имела, что на эту музыку написаны слова. Исполняли мы «Полонез» на несколько голосов (партий). Когда мы репетировали, то единой картины, естественно, не получалось. Интересно, что все вместе мы не репетировали и, только выйдя

на сцену перед зрителями, мы могли слышать всю красоту и величавость этого произведения и ощущать, насколько он покори́л зал. Шквал оваций раздавался, когда только начинали литься первые звуки «Полонеза»: «Польский край, чудесный край...», и такой же гром аплодисментов обрушивался на нас после исполнения его. Не было случая, чтобы хор не исполнял «Полонез» Огинского на бис. Это были счастливые минуты для всех: для зрителей, для хористов и, конечно, для Раисы Денисовны.

Вспоминает Останина Маргарита Кимовна

Я помню, какие у нас в школе проходили праздники Последнего звонка и Выпускные балы. Это были не просто мероприятия, не просто концерты. Это были настоящие праздники, где царила музыка. Она настолько проникала в души людей, настолько захватывала их, что никто не мог сдержать слез. Это были слезы радости и грусти. Это были слезы счастья!

В Соловецкой средней школе Раиса Денисовна Сысоева проработала до 1991 года. Она была бесменным и незаменимым художественным руководителем и организатором всех концертов и вечеров. Одновременно Раиса Денисовна работала и в школьной библиотеке. После ухода ее из школы, казалось, жизнь замерла и остановилась. Даже с новыми учителями пения не ощущалось того музыкального мира, которым жила Соловецкая школа при Раисе Денисовне.

Последний грандиозный по репертуару и по количеству участников поселковый концерт под руководством Сысоевой Раисы Денисовны состоялся в честь 50-летия Соловецкой средней школы в 1989 г. Хор исполнил практически весь свой репертуар, участвовали не только жители Соловков, но и военнослужащие воинской части. Зал просто сотрясся от аплодисментов. И не беда, что это был не концертный зал Московской или Ленинградской консерватории, и не Большой театр, а просто деревянный островной клуб и что артистами были не знаменитости и заслуженные деятели искусств, а простые селяне. Тем более можно восхищаться энтузиазмом, талантом, неиссякаемой верой в людей этой замечательной русской женщины.

С сентября 1991 по сентябрь 1993 года Раиса Денисовна Сысоева преподавала сольфеджио и хор в Соловецкой школе искусств.

Постоев Т.В.
(печатается с сокращениями)

Юлия Филипповна Лисюкова: «Пока живешь с ребятами — все учишься»

Юлия Филипповна, расскажите, пожалуйста, о Вашей семье, бабушках, дедушках, родителях, о самых памятных событиях детства?

Родилась я в Онеге в 1938 году. Нас было трое: брат старший, сестра и я — самая младшая. Мы из династии моряков и рыбаков, поморы.

Дедушка мой был капитаном дальнего плавания, ходил за границу. У него не было своего судна, он ходил по найму. Даже в Архангельске в музее есть упоминание об одном из самых смелых капитанов Белого моря — Алексее Филипповиче Шабалине. Про него сказывали так. Пошли они в Норвегию за рыбой. Надо возвращаться, начался шторм. Ну вот, дед и другие рыбаки собирались день-два переждать, сидят в кабаке отдыхают, выпивают... Дед молчал, рассуждал молча, а потом взял свою шапку и пошел. Его спрашивают: «Куда?» А он отвечает: «Домой». Как домой? В Онегу? А ведь на корабле рыба у них была уже загружена. Лето, всё портится. Дед поднял паруса и по ветру дошел очень быстро. Пришел первым в Архангельск, ему дали большое вознаграждение. Море любит мыслящих. Младший брат папы тоже был капитаном дальнего плавания, а после войны работал девиатором ленинградского морского порта. Во время войны ему пришлось из Америки в Архангельск провести триста американских судов.

А бабушки у меня были родные сестры. Бабушка, жена капитана, домохозяйка. У нее было множество скота, потому что детей было много, дом большой в Онеге, двухэтажный, дел много. А вторая бабушка родила мою маму на 47-м году жизни и была очень набожной. Она была безграмотная, но Библию знала наизусть! Однажды она отправилась в паломничество. Муж сковал ей санки, полозья были кованые, а сами они деревянные, очень легкие. Лето прошло, навигация, все заготовили... Положила она на саночки сухари, все самое необходимое на первый случай и ушла пешочком, именно пешочком, до Киева. Обрато вернулась уже летом. Принесла на себе полозья (раньше с железом было очень трудно), а саночки уже истрепались. Приходила она и на Соловки, одна, на лодке. Парус, весла — и все.

Родители у меня оба были грамотные, закончили гимназию. Раньше мало кто учился. Среди маминых ровесниц из деревни выехали только две девчонки, отпустили их учиться в город, в гимназию. А остальным сказали: «Нечего делать, замуж выйдете и все». Жили они у чужих людей, у родственников, но дальних. Потом мама заканчивала курсы. В Онеге нужно было открывать детскую консультацию. И ее опять отправили учиться. Она была заведующей, открывала молочную кухню. Потом ей пришлось работать по ликбезу, ликвидация безграмотности — ликбез. Ее отправили в глухую-глухую деревню. Говорят, раньше на Севере были все безграмотные — ничего подобного. Отправляли вот таких грамотных, сноровистых, и даже стариков учили грамоте. Мама ушла в деревню Солозеро, 20 километров шла пешком, на лыжах. Взяла с собой в кошеле машинку швейную и в свободное время она там шила, вязала. Там она была целую зиму.

Отец сначала служил моряком, ему пришлось прослужить семь лет: год до войны, во время и после. Воевал в Мурманске, в Баренцевом море. Вернулся больной, работал навигационным механиком в Онеге. Сама я тоже выросла в Онеге. Дом у нас был над самой рекой, метрах в 30-ти. Река широкая, километр где-то шириной. А купались мы летом по-многоогу! Даже если и было холодно, мы набирали счет, кто искупается за лето больше раз (смеется). Холодно-холодно! Встретишь подружку: «Ты сегодня купалась? Она: «Нет.» — «Ну пойду я искупаюсь!». Соревнования такие были. Считали, кто сколько искупался. И не врал друг другу. Я один год, за лето, искупалась 360 раз. Бывало берешь зимнее пальто и идешь купаться, а после купания завернешься в пальто и идешь домой, зубы стучат! И — на печку греться. Вот где закалка была!

Какие у Вас остались воспоминания о школе? О первых учителях?

Пошла в первый класс, мама сшила мне сумку из холста. Вышила на сумке гуся. А писали мы на газетах. Газеты, почему-то, были в доме, сохранились. Мы их сшивали, делали тетрадки, разлиновывали и писали. Где писать — непонятно. Да как приходилось, так и писали. Прямо по шрифту. Помню, как из сажи делали чернила. В партах была дырочка для чернилницы.

Помню первую учительницу Валентину Николаевну Карамышеву. Сначала я училась в начальной школе, а потом меня перевели в среднюю, она далеко была, полчаса ходьбы. Вставали в семь утра, в полвосьмого уходили, в восемь уже начинались уроки. Очень хорошие учительницы у нас по географии и литературе были. Так они и не вышли замуж, всю жизнь в школе проработали. Классы были большие, около тридцати человек.

Как закончила школу, работала немножко на телеграфе. Куда идти учиться — не могла определиться. Но я занималась спортом, мне понравилось быть тренером и я уехала учиться в Москву в центральную Школу тренеров РСФСР в Малаховке. Затем — в Ангарск, в Ангарске проработала год — то ли климат мне не подошел, то ли еще что-то. Я уехала в Онегу домой и там работала в школе. Мой будущий муж служил в Военно-морском вспомогательном флоте на Соловках. Он приехал в Онегу и пришел на бал-маскарад. Там мы и познакомились. Народу было как сельдей в бочке! Как мы повстречались?! Наверное, это судьба. Он то приезжал, то уезжал. Потом мы договорились пожениться, поженились здесь, на Соловках.

Когда мы познакомились в 1965 г., я решила съездить и посмотреть — что же такое Соловки. Видимо, мое представление о том, что здесь благодатный край, мне досталось от бабушки, которая была в Соловецком монастыре еще. Пароход, ходивший из Онеги на Соловки, назывался «Балтиец», пришел он в 4 утра 9 августа, ночи были уже сумеречные. Было темновато, солнце вставало из-за монастыря. Оно было такое красное. И это было как-то грандиозно. А море гладкое-гладкое.

Расскажите, пожалуйста, о наиболее памятных событиях, о людях соловецкой школы, самых ярких или просто любимых учениках.

Люди здесь были очень хорошие. Никогда краж не было. Первое впечатление, когда я зашла в школу, то услышала музыку. В школе было чисто, аккуратно, красиво. Потом началась перемена, выскочили девочки, высокие, красивые, косы у всех вот

такие! До чего красивые были, я таких даже не видела. Земля соловецкая красивых людей рождает.

Ученики-то все были любимые. Но больше было жалко интернатских детей... Они были, кто с Жижгина, кто с Жижмуя, кто с Секирки. И вот нынче я повстречала Васю Свидлова, а ему уже пятьдесят пять лет, он тогда жил в интернате. «Я запомнил, — говорит, — Вы всегда давали мне лыжи с ботинками». А раньше же вообще ботинки с лыжами редкость была... на валенках ходили... Он был маленький, худенький, но такой стремительный, такой активный. Я всегда ему приготавливаю на физкультуру ботиночки с лыжами. Вот запомнил на всю жизнь ребенок...

Лыжи тоже покупали для школы?

Сначала, когда я приехала, были лыжи огромные, ростовка 2,20. Для школы были даны нам матросские лыжи, несколько пар палок и все, а с ботинками лыж не было. И вот как хочешь, с ними занимайся. Я к Кожевину: «Геннадий Сергеевич! Нужны лыжи». А сама-то я лыжница. Тем более что здесь такая длинная зима, и на что тут опереться, как не на лыжи? Спортзал холодющий, и я такой целью задалась — надо ребят на лыжи ставить как можно раньше, и всю зиму ходить на лыжах. Геннадий Сергеевич поддержал, сам съездил в Архангельск, сам купил лыжи, клееные, для ботинок. 20 пар детских лыж, по ростовкам уже. Я сама все крепления вкручивала, ввертывала.

Раньше, помню, как четверг, так пройти по лесу свободно с классом невозможно. Вся бригада, все офицеры, матросы выходили на физподготовку. Первый раз, когда мы на лыжи встали, думаю: «Как же мне их проверить? Какая у них подготовка по лыжам-то?» Первый в расписании — 7 класс. А в Онеге-то семиклассники уже бегали по первому, второму взрослому разряду. Я ребят построила, мы пошли, я — впереди, они — сзади. Думаю, наверное, сильные ребята — они такие рослые, такие коренастые, плечистые, красивые ребята. Девочки сзади. Я иду впереди, легко, конечно, иду, а оглянулась — нет никого! Они все отстали. Я за ними, обратно. «Ну, — думаю, — голубчики, вас нужно тренировать». И вот постепенно-постепенно стали тренироваться. Стала их заинтересовывать. Один раз поднимаюсь по лестнице, слышу, разговаривают: «Ты вчера за сколько сбегал дистанцию?» — «За столько-то!» — «Ух, я сегодня пойду!»

До сих пор Саша Бровин еще помнит: «Ух, сегодня я сбегаю быстрее твоего!». Был такой стимул. Сейчас в основном компьютеры, а раньше же у ребят была заинтересованность. Как закончат учебу,

так они на лыжи — и в лес на дистанции. У меня были дистанции сделаны — километровая, трехкилометровая на Зеленой горке.

Дистанции у нас были накатанные, плотные, даже флажков никаких было не надо. И часы у ребят были, и они бегали самостоятельно.

Зимой проводили мы общешкольные лыжные соревнования. Мы раньше только в воскресенья занимались соревнованиями, не считались со временем, выходные дни — это для нас все равно как рабочий день. Ну, мы такими были рождены, так воспитаны были.

У Марии Ивановны Чистяковой — сын Валера, сильный был лыжник. И вот однажды проводим соревнования. Я жду-жду, надо уже старт давать ребятам — Валерки нет! А он бегаёт всех лучше. Как же его нет, как же он не идет на соревнования-то? И вот бежит — весь в поту...говорю: «Валера. Где ты был? Ты сейчас ведь опоздал бы на старт-то...». А он: «А я уже на Секирку сбегал». Там у него были поставлены ловушки на каких-то зверьков. Сбегал он 20 километров — 10 туда, 10 обратно, и еще пришел бежать дистанцию на соревнованиях. Вот какие раньше были сильные ребята. А сейчас все мини, да мини... Стадион — мини, площадка школьная — мини...

Соревнований было много. Тогда еще проводились всесоюзные «Старты надежд» в сентябре месяце: «День бегуна», «День прыгуна», «День метателя» и кросс. Проводила я соревнования на поляне, которая за школой. Там была прыжковая яма, дорожки отмерены — где 300 метров, где — 500 метров, где — километр...И там всегда было чисто — грязи никакой не было. Главное — такие соревнования были для ребят серьезным делом. Перед ними была цель поставлена — участвовать всем классом. Чей класс больше участников выставит, тот выигрывает, получает грамоту, призы то не на что было покупать.

Один такой был случай в классе Лидии Александровны Сухих. Эдик Дробышев был физоргом. И вот кто-то один не пришел на соревнования, так он сбегал за ним домой, притащил на соревнования «Беги, чтоб наш класс был первым».

А учителя принимали какое-то участие?

Они всегда с желанием участвовали... будто сильно и не агитировала... Всегда со своим классом приходили, помогали в судействе. Я благодарна всем учителям.

На октябрьские праздники Раиса Денисовна собирается делать концерт: «Юлия Филипповна, может что-нибудь подготовить?» Как не сделать? Давай готовить номера спортивные по акробатике. Один раз запомнился такой яркий момент. Две девочки-двойняшки Шестаковы Надя и Ольга — такие были гибкие пластичные девчонки. Я их готовила, они выступали по акробатике. Все придумала сама. Но в чем им выступать? Нет ни купальников, ни спортивной одежды. Давай я им шить из своих спортивных курток купальники. Сшила — такие получились приличные купальники ... Я говорю их маме: «Платонида, костюмчики уже сшила, им бы бантики какие-нибудь придумать». И она на последние деньги купила в магазине белые ленты. Они вышли на сцену, и никто ведь их не узнал. Никто! А полный зал людей!

На соревнованиях каждый год школьники у всех выигрывали, даже у моряков. У них был стимул — «Нам нужно у моряков выиграть!» Вот еще яркий пример. Делали эстафету, было 11 команд. Я поставила три команды мальчиков — старшие, средние, а самые младшие — детишки четвертого класса: Леша Головань, Саша Мудров и Вова Оберемко. И они ведь были третьими! Выиграли у милиции, такие были счастливые. У них сенсация была!

А Вы в походы ходили со своими классами?

Раньше с ночевкой ходили на Муксалму. Первые годы, когда я приехала, там была комната такая, теплая. Пришли, помню, вечером, печку затопили, картошку сварили, принесли ребята селедки соленькой.... и спать улеглись. Утром встали, поиграли, а потом домой уже, чтоб успеть до вечера. На Исаково ходили. Помню, однажды пришли. Стали варить, а Сережа Пораскало: «Что варите ерунду такую? Я сейчас рыбы принесу», и принес полведра рыбы — наловил за каких-то полчаса. И давай мы уху варить. Ночевали мы в деревянном доме двухэтажном, а варили на улице, на костре.

Как отмечали праздники с учителями?

Собирались. Были чаепития. Но создавалось впечатление, что все были такие уставшие: только посидеть, чаю попить, поесть, и домой идти, отдохнуть. Учителя все были вымотаны — нагрузка была очень большая.

А расскажите немного об учителях, которые с Вами вместе работали?

Да все учителя были хорошие. Негативного ничего не осталось. Вот Игорь Валентинович, он мне всегда помогал. Как соревнования лыжные, я к Игорю Валентиновичу: «Мне флажки надо», он тут же прямо пойдет, флажков

наделает, принесет. Безотказный такой. Ходил еще фотографировал, в выходной-то своей. Помню Марию Ивановну Андрееву, она была в интернате воспитателем и вела биологию в школе. У нее своей семьи не было. Она с ребятами почти что была и день и ночь, как мама. Строгая была, держала их хорошо. И еще Хутор Горка на ней была.

Как изменились с течением времени ученики?

Ребята стали лениться, в основном, когда появились телевизоры. А как стали появляться и ночные программы — ну, тут вообще! А сейчас, тем более и антенны есть и компьютеры...

Раньше была школьная форма, она ребят как-то объединяла, все были на одинаковых правах, а сейчас у них ведь зависть... Они смотрят — кто плохо одет, к тому уважения нет. А раньше была форма у всех одинаковая — все были одинаковые. Они не разделялись там — ты богатый, ты бедный... И раньше было уважения больше к учителям, чем сейчас. Если учитель сказал — это закон. Был авторитет.

Что вас беспокоит и тревожит на Соловках сейчас?

Меня беспокоит беспорядок. Никакого порядка нет сейчас. Дороги все разъезжены, грязь. Вот раньше мы ходили, свалки не было, так было красиво, так хорошо.

Какое человеческое качество для учителя главное?

У каждого есть какая-то своя особенность, своя изюминка.

Качество, без которого не может быть учителя?

Самое главное — это честность перед ребятами. Перед ними нельзя лебезить. Сильно их не приближать, не притягивать к себе, с ними не сюсюкаться. Нельзя их ласкать: «Ты голубчик, голубеюшко», нужно такую именно найти грань, что бы она была ровная и не стиралась. Вот как это выразить я не знаю.

Помогает ли профессиональная деятельность учителя в работе над собой?

Обязательно! О! Да еще как! Ребята тебя учат, еще только так! До старости у них учишься. Пока живешь с ребятами — все учишься. Даже вот внук маленький приезжал. Ему 6 лет. Думаю: «Надо же! Мне вот уже 70 лет я и то у него могу чему-то поучиться, как его воспитывать. Но это я держу в себе. Я сама себя контролирую. И его наставляю. Думаю: «Как же его воспитать, чтоб много не говорить слов...» . Нужно сказать одно, два-три слова, но вески. Говорю:

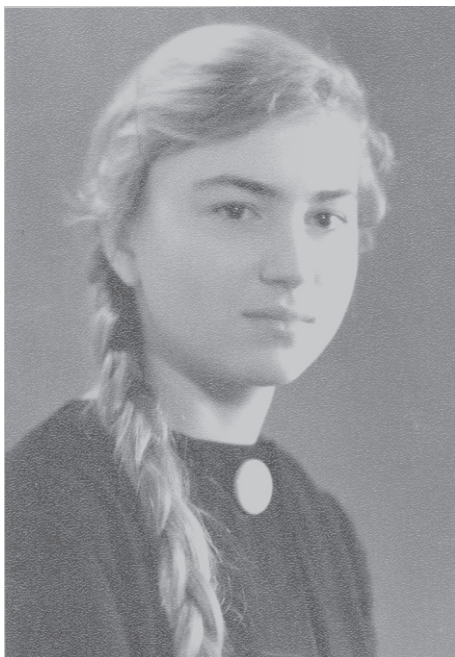
«Димочка, тебе нужно самому себя научиться контролировать во всех поступках» — и все. Он сидит так, призадумался.

А как Вам видится главная задача учителя?

Тут задачи не ставишь, просто работаешь. Главная задача — научить уважать всех людей. Что бы он уважал людей, кого бы это ни было — всех. Снизу доверху. Уважение к человеку — важнее нет ничего. Если я ребят уважаю, так и у них отдача есть. А если я к ним отношусь как-то свысока, или как-то унижаю, так они ко мне так же будут относиться. Я расскажу мамину приговорку. Она много нам не «втыкала», не говорила ничего такого, не пыняла, а один раз рассказала, и я запомнила на всю жизнь: «Мужик, перед ним лежит бревно, он работает топором. Что-то строил. Идет старец, подходит к мужику и спрашивает: «Что ты делаешь?». А он задумался: «Если уж старец спрашивает, что я делаю... он же видит, что я делаю...» Топор воткнул, сел, закурил и думает: «Как же ему ответить?» Говорит «Долг плачу, сам хочу, и в долг даю...» Это что обозначает? Долг плачу — стариков кормлю; сам хочу — сам существую; в долг даю — детей рошу! Вот тебе и уважение, пожалуйста, ко всем — к старикам, к детям, ну и к себе.

Раньше же много не говорили старики. Это из поколения в поколение так и шло. Не читали морали. Не ставили задачи перед нами, что вот ты должна это, это, это делать... учили постепенно, не навязывая, не настаивно, а потихонечку, вскользь... вот так шло-шло, а дети все впитывали. Это тоже талант. Если нет таланта обращения с людьми, с детьми, то в школе делать нечего. Если нет уважения к детям, не любви, а уважения к детям — делать нечего. Любовь и уважение — разница большая. Когда сюсюкают с детьми — это не любовь. Этого делать нельзя ни в коем случае! Если нет искорки в словах, тепла, дети чувствуют... они даже не слово — интонацию твою чувствуют.

Я 5 лет не работала. Меня пригласили подменить на полтора месяца, закончить учебный год. Я раздумывала: «Как же я приду? Конечно, я все помню, как нужно проводить занятия. Но как же они меня, старую, примут-то?» А они на старость мою не смотрели, внимания никакого не обратили. Они смотрели на мою душу, а не на мои морщины, и — приняли. Старшие, допустим, меня знали, а вот малыши — 2, 3 класс — они меня не видели. И приняли. Детям важно общение, обращение к ним. У меня единственная похвала: «Молодец. Хорошо». Это им уже было приятно.

Любовь Ивановна Смирнова: «Все как родные»

Первый вопрос — традиционный — про родителей, про бабушку с дедушкой...

Родители мои с юга Архангельской области, из деревни Верхняя Медлеша Шенкурского района. Папа родился в 1909-м, мама — в 1910-м. Они были крестьянами, а перед войной крестьяне жили очень тяжело. Их часто собирали на лесозаготовки, изюм всех деревень добровольно-принудительно — это был тяжёлый труд. Потом мамин брат оказался в Кеми, на заводе работал — и пригласил её туда. И они с папой, уже троих детей имея, девочек, туда уехали. Там полегче, конечно, было. Отец приехал на Соловки в 1939-м г., потому что вербовщики ездили по побережью и вербовали гражданское население для работы в воинских частях.

А семья большая или Вы одна?

Семья у нас — шестеро детей: трое довоенных, трое послевоенных, все девочки. И мы все жили в одной комнате. Одна комната, одна кухня, отец, мать, ещё и приезжали бабушки со стороны мамы и папы. Вот так и жили, жили очень дружно. Когда началась война, то население эвакуировали. Мама уехала в деревню с девочками, а потом, где-то в 44-м, наверно, она вернулась обратно сюда, всё так же с тремя девочками.

А в школу когда пошли? Как учились?

Вся моя жизнь связана с Соловками, я родилась здесь. Только я на десять лет отлучалась получить образование. И пока я десять лет отсутствовала, у меня все сердце неспокойно было, я всё сюда, сюда, домой, домой. Мама, когда училась, писала на газетах. А мы учились

— у нас уже тетрадки были, причём нам почему-то учительница тетрадки выдавала. Приходила учительница и доставала пачку тетрадок, пересчитывала по две — сколько-то штук, и выдавала всем тетради, а учебники мы, по-моему, покупали.

Когда мы учились, на обратной стороне тетрадок печатали гимн Советского Союза, а у вас как?

Нет, у нас таблица умножения была — это на тетрадках по математике, а по русскому — торжественное обещание пионера. И классы были очень большие — по 40 человек.

А помните первую свою учительницу?

Конечно, помню — Валентина Ивановна Таранова. Я даже первый урок помню в классе. Она смотрит на всех и спрашивает, кто умеет считать — ну я, конечно, руку подняла — я будущий математик. А она взяла меня за руку, и я стала считать. Я очень стеснялась, сердечко замирало, но я всё равно считала.

А во что играли?

Мы очень хорошо играли. Семьи были большие, у нас даже похвально — у кого больше детей. На нашей улице в основном были многодетные семьи, и мы все дружили. Играли в лапту, в прятки. Потом, играли в «кислый круг», «казаки-разбойники», «съедобное-несъедобное». «12 палочек» — это берёшь 12 щепочек, кладёшь на доску. Кто-то ударяет по одному концу доски, и палочки подлетают. И пока ведущий собирает эти 12 палочек, мы разбегаемся и прячемся. А ещё мы штабики делали. Вот это соловецкое словечко — штабик. А по весне, когда снег сходил, собирали стеклышки по огородам. На берегу моря в отлив тогда много интересного можно было найти.

А в «войну» играли? Всё же послевоенное время.

Не знаю, как-то мне эта «война» не привилась. Знаю, что мы в тимуровскую команду играли. На берегу была конюшня — конюшня ещё некоторое время действовала в воинской части. Рядом стояла глиномятка заброшенная и ещё какой-то дом. И вот в этой глиномятке у старших ребят был штаб. Мы были поменьше, поэтому в общем-то больших трудов не несли, а просто хранили тайну. А они огород копали, дрова кололи. Один раз у одной старушки огород вскопали, так она на другой день пошла в милицию, заявила, что кто-то её огород вскопал.

А в непогоду или зимой, мы играли дома. И парни и девчонки собирались, и мы играли в «слова», в «города». Потом у нас появился фильмоскоп, и папа навесил простынь. Простынь была не очень удачная, на ней были напечатаны цветы. Мы все собирались, и папа нам «крутил пленки».

Очень любили кино. Кино стоило 5 копеек для нас, детей, и его показывали раз, наверное, в неделю — в выходной. Но мы-то хотели, конечно, попасть на взрослый фильм, а это 20 копеек стоило, и нас родители не пускали. Там, где агаровый завод, там был «Дом флота». Там танцевали, была комната для кружков, а зрительный зал был наверху, и мы пробирались тихо по лестнице и прятались за экраном. И вот однажды во время взрослого киносеанса порвалась плёнка, включили свет и нас обнаружили и выгнали с позором.

А какие фильмы запомнились?

Фильмы в основном военные были, и сейчас эти фильмы с удовольствием смотрю.

Я хорошо помню пионерский возраст. Пионерские сборы я очень не любила — мне всё это претило. Мне лучше дома было. Я приду домой, дела сделаю, книжку почитаю, порисую.

Я помню мой первый поход в библиотеку. Библиотека была вот в том доме, где потом Степан Дашкевич жил. В прихожей, помню, так чисто, и запах книг — я этот запах книг в библиотеке люблю. Мне выдали книжку — первая книжка была такая большая детская глянцева, про волка и про зайца. Но я её, конечно, там и прочитала сразу, не отходя от кассы, как говорится. А вторая была какая-то патриотическая. Она была не очень интересная, но, поскольку я её взяла, мне надо было её прочитать.

Летом мы удили колюх на Банном озере. Ловим и смотрим — у кого больше.

Любили на плотике кататься, кто уже постарше. Однажды собрались за морошкой на болото за Восьмым пикетом. И почему-то решили через озеро плыть на плотике. А у меня были новые резиновые сапоги, глянцева. Обычно нам всем покупали на лето — сандалии, на весну — сапоги. И вот мы решили переплыть озеро и пристать к агаровому заводу нынешнему. Я говорю: «Давайте пристанем, пойдём пешком» — а они такие бесшабашные: «Нет, давай поедим». А я говорю: «Нет, я с вами не поеду, выпустите меня». Они пристали, говорят: «Выходи». А там такая трава ярко-зелёная, у туда прыгнула с плотика, а там — «няша», трясина. И я в новых сапогах в эту няшу, вот горе-то. Ну ладно, что я там, но сапоги-то новые, мне что родители скажут? Вытащила всё, но мне надо было ещё их высушить тайно. Я их вымыла и дома записала в топку, чтоб они высохли к утру. А мама-то рано встаёт, я встаю — а печка уже истоплена. Я говорю: «Мама, там были сапоги». Ну, а мама-то, конечно, на себя всю вину: «Дочка, я виновата». Она сокрушалась, и я сокрушалась. Но я была в общем-то рада, что мне не досталось.

А ещё мы ходили за ягодами — когда черника начинается, мы берём у кого что есть: у кого кружка, у кого банка, и всей

толпой идём. А ягоды начинались около «дома лётчиков», где Тамарин причал. И вот пока шли до места, мы кидали банки и кружки вперёд себя — гадали, кто сколько наберёт — если вверх дном упадет — ничего не наберёт, если на боку — полкружки наберёт, ну а если на дно — то полную наберёт. Ну, а стеклянная банка, конечно, разбивалась там.

А в старшей школе какие предметы нравились?

Математику и физику я любила. Физику я не потянула почему-то. А математиком проработала 35 лет.

Преподаватель математики у нас была Бойкачова Елена Ивановна.

Мы в пятом классе решали такие примеры, знаете, четырёхэтажные, много-много действий, и было очень задорно всё прорешать до конца, не сделав никакой ошибки. Помню эту учительницу. Лицо у неё такое круглое было, светлое, и ставила она огромные пятёрки. Это было вообще, как молодёжь выражается, «кайф» — получить такую пятёрку. Мне очень нравилось. Вообще учителя сменялись. Но были и постоянные.

А освоение Ботанического сада — это ваше дело?

Да, это наши десятые классы начали. Там посадки кое-какие всё-таки были, и мы его не Ботаническим садом называли, а Хутором Горка. Там проходили народные гуляния, туда на машинах народ возили. И вот в 60-м, наверное, году директором школы был Витков Павел Васильевич, он у нас химию вёл. Он стал писать, что Соловки забыты. И была учительница биологии Мария Ивановна Андреева. Она была и воспитателем в интернате. Украинка. И мы стали хутор Горка разрабатывать. Нас после школы на машинах туда привозили, и мы копали, дерн вытрясали, работы много было. Утомительно все это было. А вот Мария Ивановна — она с нами работала и рассказывала разные житейские истории, и труд не казался тягостным. Еще помню, малина поспела, и нам было такое задание — набрать по ведру малины. Мне дали ведро и сказали: «Люба, бери домой, сколько хочешь». Но я не взяла ни ягодки — мне было стыдно взять домой общественную ягоду.

Летние лагеря появились позже, когда я приехала работать сюда. А в то время лагерей не было, потому что все работали дома и на сенокосе — у нас картошка, потом сенокос, потом грибы, ягоды.

А после школы Вы поступили в педагогический институт?

Да, после школы поступила в пединститут в Архангельске. Потом меня направили на практику в Патракеевку, потом — в Заостровье. А первый урок свой помните?

Помню практику в городских школах. Да...шутка, конечно, все это. Я сильно терялась — это у меня сейчас голос выработался, стал громкий и даже слишком, а раньше я как-то терялась, я ещё ростиком была маленькая такая.

А на Соловки как попали?

После пяти лет «отработки» я вернулась на Соловки. Директором школы здесь тогда была Алимова И.Н. Я приехала, и мне дали сразу свыше 40 часов математики и плюс еще «завучество». По традиции, тот, кто приезжает, тот и завучем работает. Но на следующее Первое сентября появился учитель математики — Борис Александрович Сухов. И мы «поделили» часы.

Завучем я проработала несколько лет. Сначала тоскливо было, когда я завучем была — ой как тоскливо. Не нравилась «проработка» двоечников.

А сколько человек было в классах тогда?

Когда я оканчивала 10 классов, у нас было 12 человек в классе. Когда дочка моя заканчивала — тоже было 12 человек.

А Вы в каких классах преподавали — для средней школы или для старшей?

С пятого по десятый. Обычно так — берёшь пятый класс и ведёшь его до выпуска.

Привыкаешь, наверное?

Ну конечно — все как родные.

А соловецкие дети приезжают, приходят, здесь с кем-то общаются из выпускников?

Здесь у нас как-то все по-житейски — все общаемся. Теперь уже у них дети идут поговорить. На виду судьба-то всех.

Мне кажется, что у Вас тут очень художественное мировосприятие. Музыкальные какие-то жесты...

Наверное, это что-нибудь ораторское — когда урок ведёшь... Каждый учитель — артист, правильно? А мы тут все пели, у нас Раиса Денисовна была — музыкальный руководитель. И все соловецкие немножко пели. На репетицию бежим, все домашние дела бросаем, а потом — выступление. Когда перестройка случилась, тогда все ориентиры поменялись, а нам надо было концерт делать. Вот мы думали, какие песни петь, и решили что восхваление Ленина — это не надо, а нам очень нравилась песня «Расписная заря» и эта песня очень созвучна Соловкам — до сих пор все вспоминаем.

Песни 60-х годов до сих пор поёшь и в них есть какая-то интонация — светлая такая.

А нынешние песни — ни одной не знаешь. Я возмущаюсь до глубины души

— что за песни?! — ни одной песни в голове нет — ни мелодии, ни песни. А раньше мы жили этим — пели песни.

Любое поколение считает, что раньше деревья были большими, а теперь уже нет...

Ну, вот например — идём в поход с ребятами. И они ведь ни одной песни не могут подхватить и запеть — и это в походе!

Какова главная задача учителя в своей работе?

Главная задача в работе учителя — прививать навыки, умение трудиться, добывать самим знания. Если в школе научить трудиться, то в жизни будет легче.

Еще — любовь к детям, к своей профессии, обширные знания, постоянная учеба... Учитель должен посещать семинары, курсы, путешествовать один и с учениками.

Учитель должен над собой работать, если он не будет над собой работать, он не будет расти.

Как менялась школа и ученики? Что положительного и отрицательного, по-вашему, было в советском воспитании?

Все социальные изменения и проблемы нашей страны отразились на школе. Первое поколение школьников, которое мы учили, считало, что невыполненный урок — это очень плохо. А сейчас многие дети ленятся, не хотят мыслить.

В советское время уделялось внимание нравственному воспитанию. Было важно взаимоотношение между самими учениками — мальчиками и девочками. Тогда у детей с детства формировалось понятие о целомудрии, а сейчас это необязательно. И в советскую эпоху было больше порядка, дисциплины.

Раньше настолько кипела в школе жизнь. Учителя и ученики были одним ядром. В советское время было пионерское движение, которое объединяло детей. Нужно детей спланировать, дети должны воспитываться в организации. Обязательно спортивная работа должна быть. Потому что это все дисциплинирует и развивает.

Как Вы считаете, какими основными характеристиками должен обладать интеллигент, чтобы его можно было считать интеллигентом?

Знания, порядочность и если уж работать, то работать надо порядочно. А сейчас молодёжь в основном больше всего интересуется зарплата. А мы работали с утра до ночи, получили зарплату и рады — сколько дали, столько дали.

А религиозность и интеллигентность как на Ваш взгляд соотносятся?

У религиозного человека, по-настоящему православного, порядочность будет на первом месте.

Ну, а интеллигент может быть неверующим?

Нет, мне кажется, должен быть верующим. Во всяком случае, должен стремиться. Это ж всё труд. Трудиться надо, стремиться узнать.

Пример интеллигента, на Ваш взгляд.

Для меня интеллигент действительно был — Раиса Денисовна Сысоева. Совсем недавно после её смерти уже узнали, что она верующая была, что она соблюдала посты. Она пострадала за то, что была регентом церковного хора, за это её репрессировали.

Мы ей приносили покушать — она же сидела с утра до ночи на работе. И вот, мы ей приносили куриный суп, а это был день поста, а мы же этого не знали, и она всё говорила: «Ой, нет, нет, мне некогда». Вот, действительно интеллигентия была — мы в своей жизни коснулись настоящей интеллигентии. У меня даже родители мои, они же из деревни, простые крестьяне. Наше поколение, поколение наших родителей, так скажем — от сохи. Но интеллигентии были, знаете — тактичность такая, незлобивость. У меня мама никогда никого не осуждала, и чтобы сплетничать — никогда. Девяносто четыре года, она самая старая в поселке была. И батюшка Герман приходил, её причащал — она уже плохо видела и слышала. И вот сидим мы после причастия, чай пьём, а он сидит и говорит: «Вот посмотри на неё: она как младенец. Она плохо видит, не слышит, никого не осуждает». Потом мне говорит: «А Вы, — говорит, — всё видите, слышите». Я добавляю: «И всех осуждаю...»

Мы, когда были в Феропонтово, записывали одну девяностолетнюю бабушку — я поразился жизненной мудрости, вроде такая простая крестьянка, полуграмотная, но так она как-то по-доброму — мы с женой как раз были — она так посмотрела на нас, говорит: «Вот, молодые, живите дружно»...

Мы со своими сестрами — нас пятеро осталось — каждое лето собираемся на Соловках. Очень любим ездить на лодке на озёра, там ловим рыбу, грибы собираем, костерок делаем. И у нас такой разговор — как на Соловках хорошо, и как хорошо, что наши родители нам такую любовь к природе привили. Но не специально прививали, а из жизни — например, на сенокос поедем, а там тепло, красиво. Мою маму спросили: «Какое место на острове Вы больше всего любите?». А она немножко подумала и говорит: «А мне везде любо». То есть везде хорошо. На Соловках везде хорошо, так что мы тоже это через свою жизнь пронесли. Везде хорошо, везде красиво, везде сердце радуется.

Александра Ивановна Халова

Родилась я в г. Мариуполе, потом он назывался Жданов, Украина, Донецкая область. Отец был с Полтавы, его родители рано умерли, и он ушел из дому лет в 14. Мама была с Сумской области из крестьянской семьи. В Мариуполе она оказалась, потому что ее отца объявили кулаком, хотя кулаком он не был. У них просто была большая семья, все трудились, имели свой хороший дом, фруктовый сад, коров, лошадей. Ну, и были завистники, знаете, как в те времена... Деда предупредили односельчане, что за ними придут, и он в этот дом поселил за одну ночь своих кумовьев — бедную многодетную семью, а самим им пришлось оттуда уехать в Мариуполь.

Это было в 1933–34 гг. Собралось там наших четыре больших семьи, все жили близко, в одном поселке. Старший мамин брат нас всех собирал и сказки рассказывал. И страшные сказки и не страшные. Он очень любил в красках, в образах рассказывать. Чудесный сказочник был, его и взрослые заслушивались.

Второй дядя у меня — дядя Федя. Он на скрипке очень хорошо играл, любил путешествия и выписывал, представлять себе, в послевоенный период журнал «Вокруг света». У отца моего, Ивана Даниловича, был очень красивый тенор, а у мамы сопрано. И вот была у нас такая компания большая, дружная. Детишек было очень много. Пьянства никогда не было, но когда они пели — а пели они самые разные песни, — поселок весь заслушивался. И для нас это было очень ценно в воспитании, что можно было так интересно проводить время в больших семьях и без пьянства.

Когда немцы начали наступать, отец работал мастером на заводе АзовСталь. Всех хороших работников, а отец хорошо

работал, должны были эвакуировать с оборудованием внутрь страны. Но получилось так, что немцы уже вошли с танками в Мариуполь, а рабочих еще вывезти не успели. И эти мужчины оказались и не на фронте, и не в тылу, т.е. они оказались под оккупацией немецкой. А потом отец попал в облаву и был отправлен в Западную Германию. Он был очень умелым — золотые руки — и всю войну в Германии пробыл, а потом его англичане или американцы освободили. Домой он вернулся осенью 1945 г. — несколько месяцев разбирался, был он предателем или нет. Вернулся он больной, истощенный, и вскоре вышел на пенсию, по болезни. Но дома вот хозяйничал. Дома и огородником был, его называли «Мичуриным найденоским», помидоры я помню, были по полкило. Человек он был строгих правил сразу взял меня в «оборот», начал воспитывать: с шести лет немецкий язык заставил учить.

В школу я ходила в Мариуполе — очень хорошая школа, старая, с почтенными и опытными педагогами. Школу я закончила с серебряной медалью. После смерти отца я хотела вырваться из дома, из-под опеки мамы и сестры. Сначала, так как я закончила с медалью, они заставили меня поступить в металлургический.

Я сделала все, чтобы не поступить, чтобы не остаться. И учитель географии посоветовал мне поступать в Луганский пединститут на ГеоФак. Я туда приехала, отнесла документы в приемную комиссию, и мне собеседование нужно было пройти по биологии и по географии. Тогда открывался новый факультет широкого профиля — естественно-географический, то есть два профиля: биология и география. На собеседовании декан, такая дама подозрительная, говорит: «Вы к нам поступаете, чтобы через год взять документы и перейти в медицинский институт?» То есть она видит, что я из металлургического института сюда перешла. Вот мне и пришлось дать честное слово, что я не уйду из этого института, а буду учиться до конца, и стану учителем. Может быть, я бы и перешла в другой институт, но так как я дала честное слово, так мне и пришлось держаться.

У Вас изначально не было решимости стать учителем?

Аморфное состояние было, хотелось студенткой стать, вырваться из дому, не быть под контролем у сестры и мамы. И вырвалась навсегда. Институт закончила, потом по распределению попала в Полтавскую область. Но я там была всего лишь пол года. Потому что началось хрущевское укрупнение районов, в связи с чем меня перевели в другую сельскую среднюю школу учителем химии и биологии. Там через полгода меня избрали в райком комсомола заведующей школьным отделом. А потом я вышла замуж, и мы с мужем улетели в Якутию, в Чульман. В Якутии я рабо-

тала сначала в группе продленного дня, потом учителем географии, биологии, истории и... немецкого. Потом мы переехали в Алдан. Там в обычной школе не оказалось места, я попала в интернат, узнала, что такое интернат. Пять лет работала в интернате учителем и организатором. Узнала интернатских детей, они потом целым классом ко мне в Ленинград приехали... мои дети. Всего в Якутии прожили мы 8 лет.

Я когда еще студенткой была, меня определили в группу по подготовке абитуриентов по немецкому языку. Это было рабочее общежитие, я туда ездила преподавателем по немецкому языку. И у меня сразу с ребятами сложились нормальные отношения, хотя я и почувствовала свое незнание немецкого. А на 4-м курсе, нас, студентов, которые лучше учились, направили на практику в школу рабочей молодежи помощниками классных руководителей. Там у меня тоже сразу сложились хорошие отношения, хотя ученики были старше меня. И я почувствовала, что быть учителем — это мое. Сестра долго мне не верила, все хотела, чтобы я ученым была...

Какое-то время мы жили в Питере, потом я работала в Архангельске в Институте усовершенствования учителей. Там я довольно долго работала зам. директора по научно-методической деятельности, хотя никакой ученой степени у меня не было. В какой-то момент я поняла, что пора сбавить амбиции и заняться простой педагогической деятельностью, уехать в сельскую местность и работать простым учителем. Когда я это объявила на работе, многие удивились. Мне стали предлагать должности — заврону, директор школы. Я сказала: «Нет, нет, нет. Дайте мне возможность работать учителем биологии в спокойной обстановке». Стали предлагать разные варианты — Вельский, Плесецкий районы. А потом вдруг говорят: «Александра Ивановна, у нас есть Соловки. Там завуч нужен и биолог». Я согласилась. А мужу нашлась должность в аэропорту. Приехали мы сюда 1 апреля 1991 года. Работала и завучем, и учителем.

Потом четыре года пришлось директором быть. Это было самое тяжелое время. (1994 — 1998 гг.). Такой крест Бог послал. Никого за это время не уволила, хотя требовали, чтобы сокращала штаты, сокращала комплектность классов, чтобы учителям платили зарплату, а техникам и дворникам — нет. Мне очень помогал муж. Он зарабатывал наличными, и с его разрешения я эти деньги несла в школу, потому что зарплату не платили по три месяца.

Он же мне помог пришкольный участок перед школой разбить. Поставили забор, притащили бульдозер с аэропорта,

вытащили бульжники. Привезли огромную платформу водорослей. Нина Сафонова договорилась с лесниками. Они пригнали маленький трактор, перепахали, привезли торфа, рассыпали и еще раз перепахали. Мне бабушка зятя из Уймы дала для питания картошки, а мы ее с детишками на посадку пустили. Выкапывали лунку, туда — водоросли, навоз, литр воды и ставим картофелину правильно. И так засадили весь участок. И у нас в первый год такая картошка получилась, что учителя до сих пор помнят. Это тогда было важно, чтоб детей подкормить. И еще — важно было облагородить этот песчаный участок у школы. И нам удалось за год превратить его в плодородную площадь. И потом 13 лет у нас там картошка росла. Когда началось ее вырождение, я решила устроить там с помощью детей цветник. А потом из старых оконных рам мы сделали тепличку.

Какое человеческое качество, по-вашему, является определяющим для учителя?

Любить детей, стараться для ребенка. Не себя видеть, а ребенка. Надо, чтобы он ушел с твоего урока подученным, неозлобленным, очеловеченным. Где-то иногда надо и программу отбросить... Например, когда работала директором, привели в школу мальчика, который не был готов к школе. У него на нервной почве аллергия началась. Я упростила, убила родителей забрать ребенка домой, дать ему нагуляться и на следующий год придти снова в первый класс. Так мы и сделали. Он за год повзрослел, пришел в школу, потом училище закончил, сейчас работает нормально.

Помогает ли профессиональная деятельность учителя в работе над собой?

Обязательно. Мы же пронизаны этими флюидами. Происходит экстраполяция. Все время смотришь глазами ребенка на себя. Если ты не смотришь, то будет стена между тобой и ребенком. Учитель мудрее, умнее, и не всегда надо идти напролом. Где — мытьем, где — катаньем. Где — кнутом, где — пряником.

Как бы Вы определили основные проблемы соловецкой школы или проблемы своей профессиональной практики?

Ну, если говорить о своей профессиональной практике — то это возраст (*смеется*). Еще мне очень недостает музыкального образования. Хорошо бы с гитарой с детьми посидеть, попеть. Для школы, при всех наших плюсах и минусах, нам не хватает активного эстетического воспитания. У нас нет музыкального работника. Я считаю, что это для нас большая проблема. Детишек немного, но надо, чтобы у них была полноценная музыкальная художественно-эстетическая жизнь. Хор, хореографический кружок.

Дальше. Школа на историческом месте, а музея исторического школьного нет, и историка нет.

Необходимо развивать и спортивное направление более активно.

Все эти направления — отдушина для детей. Ну-ка детки попоют, попляшут, потанцуют... Они потом и уроки быстро сделают. А так — скучновато, конечно, детям. Да и нам тоже...

Менялась ли атмосфера в школе со временем?

Раньше даже в естественных науках надо было догмат соблюдать, учитель был очень зажат. Невозможно было отступить от очередности тем в уроке. В этом были и свои плюсы — учитель обязан был выполнить программу и отчитаться за выполнение. Сейчас у личности больше свободы стало. Хотя раньше у учителя была большая социальная защищенность, но и загруженность большая была. Учитель должен был еще и общественно-полезной работой заниматься в свое свободное время.

Принципиальное отличие от советских времен — возможность обеспечить разное мировоззрение детей. Многие дети ходят в церковь, являются верующими, и мы не навязываем им материалистического мировоззрения, как это было раньше. Они имеют возможность у меня в кабинете брать учебник «Общей биологии» и пособие «Возникновение жизни», которые созданы на основе «Закона Божия», знакомиться, сравнивать и делать выбор самостоятельно. Но каждый раз я предупреждаю, что если придется сдавать единый госэкзамен, они должны ориентироваться на общепринятый учебник, утвержденный Министерством образования.

Про ЕГЭ разные мнения.... Но если быть добросовестным учителем и вникнуть, что такое ЕГЭ, если не цепляться за формулировки, а обучать детей полноценным программам, а потом еще и по ЕГЭ пройти, то очень хорошо будет. Хотя раньше биология давала более конкретные знания, а сейчас это больше естествознание — общетеоретические закономерности, а конкретики немного.

Появляются интересные программы по элективным курсам — каждый ребенок имеет право выбрать 4 предмета. Это же замечательно. Главное, чтобы родители были готовы помочь выбрать эти элективные курсы. У меня сейчас второй год подряд одна девочка биологию выбирает. Одна из десяти учеников. Это хорошо. Она куда-то хочет поступать, и ей нужны углубленные знания по биологии и химии. Значит и мне надо думать, как успеть за час в неделю за год с ней всю биологию пройти. Т.е. ее «биологическая» судьба зависит не только от нее самой, но и от меня.

Лидия Александровна Сухих

Лидия Александровна, расскажите, пожалуйста, немного о себе...

Родилась 23 сентября 1953 года в деревне Осиново Виноградовского района Архангельской области, родилась в рабочей многодетной семье. Училась сначала в восьмилетней школе, затем в средней, ежедневно ходили в среднюю школу за 5 километров. Окончила школу в 1971 году и поступила в пединститут г. Архангельска. Закончила институт в 1975 году и была направлена в Соловецкую среднюю школу учителем математики, где и работаю по сей день. В данный момент являюсь заместителем директора по учебно-воспитательной работе.

Что повлияло на выбор профессии?

Если спросить любую первоклассницу, она вам всегда ответит: «Хочу быть учителем начальных классов». Я тоже начинала с этого. Потом, в 5 классе мне пришлось помогать отцу, он у меня работал мастером на сплаве, и ему надо было закрывать наряды, а образования не хватало, поэтому я ему считала проценты. Кроме того, два моих классных руководителя были учителями математики, они тоже сыграли свою роль. После 9 класса в 1970 году я ездила в летнюю математическую школу в Ленинградскую область. С нами занимались студенты ЛГУ. От Архангельской области там было всего три человека.

И еще один интересный эпизод из прошлого. Училась я в малокомплектной школе. У нас не было вожатой, поэтому мы собирались сами, от мала до велика организовывались и занимали себя сами. В свое время у нас была своя «тимуровская команда», мы ходили, помогали бабушкам, дедушкам. Собирали кости домашних животных, металлолом, сдавали, и на вырученные деньги мы устанавливали турник, покупали теннис. И очень любили ходить в походы. 9 мая мы ежегодно ходили

в поход в лес. В лесу мы нашли холм, на холме из подручных средств сделали памятник погибшим в Великой Отечественной войне. У нас там были и речи, и митинги, и минута молчания — все как у взрослых. И вот в один из таких походов кому-то пришла мысль — написать свою мечту на бумажке. Написали, закопали, через год прочитали. Показалось — мало времени прошло. В следующий раз мы решили закопать бумажки с написанными мечтами на 5 лет. Когда я была в 9 классе, мы написали свои мечты на бумажках, закопали... Кто-то уехал, кто-то остался. Я поступила в институт, уехала. А те, кто там остался, они и работали, и учились, и продолжали в походы ходить. И когда я уже работала здесь на Соловках — первый год или второй, — приходит мне письмо. В этом письме четвертиночка тетрадного листочка в клеточку, и там написано карандашиком: «Я хочу быть учителем математики». Вот так у меня получилось.

А как Вы попали в Соловецкую школу?

В то время было распределение — попала я сюда по распределению.

Какой Вы запомнили тогдашнюю школу?

Школа на меня произвела хорошее впечатление. Мои одноклассники тоже попали в сельскую местность, и школы там были очень ветхие. А соловецкая была в числе первых — по зданию, по содержанию. Коллектив был неплохой, директором школы была Алимова Ирина Николаевна — учитель русского языка и литературы. Очень много было мужчин в школе — сравнительно много, по сравнению с другими школами. Учитель истории Геннадий Сергеевич Кожевин, учитель химии и биологии Николай Васильевич Бровин, учитель математики Сухов Борис Александрович, учитель физики Сухих Игорь Валентинович, учитель труда Соков Василий Васильевич. Учителя в основном были старые, молодежи было немного: Латенко Нина Ивановна — учитель географии, очень знающий учитель; Иванова Валентина Александровна — учитель биологии; вожатой была Федотова Валентина Николаевна; Любовь Ивановна Смирнова — учитель математики и завуч; Назарян Жанна Сергеевна — учитель труда; Ракуть Эмилия Петровна — организатор и учитель немецкого языка.

Первый урок я проводила в четвертом классе. Первой я спросила Лену Океанову — фамилия понравилась. А классное руководство было у меня в 6-м классе. Там было больше 20 человек. Очень шумный класс, энергичный, проблемный по дисциплине, чем они очень гордились. Они мне первым делом доложили, что они такие «хорошие». Всех до сих пор помню по фамилиям.

Как Вы с ними ладили?

Жили мы с ними хорошо. Всегда Первого сентября был у них первый вопрос: «А когда пойдем в поход?». В основном мы с ними ходили на Муксалму, Реболду, Секирку, Савватиево, Исаково. Ходили пешком, тогда здесь была турбаза,

и можно было взять спальники и идти. Они очень любили походы, ходили много. А с другими классами — уже меньше. Всего у меня было четыре выпуска. Три класса я взяла после Марии Ивановны (Чистяковой) и последний — после Анастасии Тульевны. Вот последние ребята уже в походы не так любили ходить. А раньше вся школа ходила в походы.

И еще всегда вспоминается проведение «Зарницы». Начинали готовиться заранее, и в помощь нам всегда выделяли матросов из части. С вожатыми мы репетировали речевку, песню. Украшали машину и выезжали на Савватиево, там проводились различные конкурсы. Был конкурс поваров, которые готовили пшеничную кашу. Был конкурс боевых листов, созданных в полевых условиях. Потом были спортивно-военные соревнования. В завершении всегда был большой костер. «Зарница» проводилась ежегодно 19 мая.

Спортивная жизнь была не просто школьной, а общеостровной. 23 февраля каждая организация предоставляла свою команду, да не одну. У школьников тоже не одна команда была. Этим всем руководила Юлия Филипповна на общественных началах.

Вы вспоминаете все только хорошее, а какие-то проблемы были?

Проблемы? Проблемы может как-то уходят, а остается в памяти хорошее.

Когда я приехала, то в то время школа работала в одну смену. Начальная школа была на ул. Сивко, 4. Там же был интернат, жили ребята с островов Жижгин, Жужмуй. Там же был спортзал. В этом доме было печное отопление. И может из-за того, что у родителей и учеников была активная позиция, школа отапливалась. Для этого устраивались большие совместные воскресники: нужно было привезти и наколоть дров на все это двухэтажное здание. Т.е. учились в одну смену, и очень много приходилось ребятам трудиться.

А потом, где-то в 80-х годах, мы перешли в эту школу на «двухсменку». И сейчас проблемы у школы такие: «двухсменка», малая наполняемость классов, и перегруженность программами. Но это уже проблема школьного образования вообще.

Какое, по-вашему, качество является для учителя ключевым. И какая главная задача учителя?

Мне кажется, ключевое качество для учителя — это желание и умение передавать свои знания и умения другим. Главная задача учителя — научить учиться, а остальное ребята сделают сами.

Что Вам нравится на Соловках, каким Вы видите будущее поселка, школы?

В Соловках мне нравится жить. Просто живу здесь, и мне нравится. Будущее зависит от того, будет ли прирастать население на Соловках, тогда и школа будет развиваться и процветать.

Елена Алексеевна Постоева

Елена Алексеевна Постоева родилась в 1958 г. в Североморске. Окончила Архангельский государственный историко-филологический факультет. В 1981г. вернулась на Соловки, работала в Соловецкой школе сначала пионервожатой, а затем — учителем русского языка и литературы.

Елена Алексеевна, какое качество является, по-вашему, определяющим для учителя?

Я думаю, учитель должен чувствовать ученика. Можно быть строгим, требовательным педагогом, но при этом в определенные моменты и снисходительным к промахам учащихся. Главное, чтобы между тобой и ребенком был контакт. Не панибратство, а именно доверительные, уважительные отношения, которые и будут работать как на ученика, так и на учителя.

Как Вы видите свою главную задачу, как учителя?

Главной задачей для меня, как для учителя русского языка и литературы, является обучение учащихся мыслить, рассуждать, не бояться высказывать свои мысли, даже если они ошибочны. Главное — суметь отстоять свою точку зрения аргументировано. Я счастлива, когда дети открывают души, говорят со мной на внешкольные темы, доверяют сокровенное...особенно, если делятся своими стихами, записями...

Как менялась атмосфера в школе? Что хорошего и плохого было в советской школе?

Конечно, с течением времени атмосфера менялась. На это были определенные причины: и смена общественных отношений в стране, и смена школьного коллектива, и отношения в поселке к школе. Все имело вес. И все же, школа — это до боли родное, мое.

Преимуществами советского образования я считаю то, что уделялось много внимания воспитательному процессу (конечно, не всегда все делалось верно и на пользу, и все же...) Были какие-то маячки, к которым дети стремились. Соревновательность тоже была полезной, ребята старались лучше выполнить порученное. А еще замечательными были общешкольные трудовые дела, которые сплачивали ребятнишек. Недостатков тоже хватало. Это и излишняя муштра, и обязаловка, невозможность (порой) поступить против общепринятых догм.

Какая, по-вашему, самая острая проблема современной Соловецкой школы?

Главной проблемой Соловецкой школы я считаю то, что, к сожалению, практически на нет сошла мораль, духовность, нравственность. А ведь наши соловецкие ребятнишки такие светлые, талантливые, интересные. С ними бы только и заниматься развитием их духовного мира, их внутреннего «Я».

Что Вам нравится на Соловках? И что вызывает тревогу?

Соловки — это большая часть моей жизни. Я их очень люблю. Особенно трепетно отношусь к природе. Такой красоты больше нигде не встретишь. И очень больно, когда люди относятся бездушно к нашему острову.

А.П. Фокин

Александр Павлович, Вы школу на Соловках заканчивали?

Да, я здесь закончил семь классов.

Какие Ваши первые впечатления как ученика?

Самое первое впечатление: как только выучил буквы, тут же написал на парте бритвой «ФАП»: Фокин Александр Павлович. Помню, как потом закрашивали родители. Попало мне за это. Самое первое мое самостоятельное действие. Потом эту парту искал, искал — не нашел, куда-то вывезли.

Школа казалась, конечно, огромною, такое впечатление — оно было и после, — что школа очень большая, очень длинные коридоры, ребят там полно было. А сейчас был на двух выпускных вечерах у старшей дочери и у младшей дочери, школа мне показалась такой маленькой. Удивлялся: где ж мы бегали?

Там, наверно, еще и печки были в каждом классе?

Да-а... Печки были... Тогда у нас такая была Рублева — вечная истопница и вечная уборщица. Она очень долго жила, такая добрая женщина, она никого никогда не обижала, мы с ней мирно жили...

Обстановка в школе была добрая? Это ведь сталинские времена, отдельное обучение...

Тут совместное обучение было всю жизнь, потому что у нас на отдельное обучение просто не хватало учеников. Мирно жили. Чистякова Мария Ивановна — та добрая была. Мне повезло, что я к Марье Ивановне попал в младших классах.

А как учились? Нормально или тяжело?

Мне тяжело только русский язык давался почему-то, а остальное все — очень легко. Когда-то мне и книжки дарили после окончания учебного года, и грамоты. Не могу сказать, что я отличником был, но и не двоечником. После этого я спокойно поступил в институт, спокойно его окончил.

Какие учителя Вам запомнились из 5-7-го классов?

Очень хорошо запомнилась Латенко Нина Ивановна, она географию преподавала и была у нас классным руководителем. Приехала на Соловки сразу после института и так и осталась на всю жизнь.

Чем в те годы занимался классный руководитель, были ли у Вас какие-то поездки, походы?

С Соловков как-то особо не поездишь, мы отдаленные... Но у нас каждый год были очень хорошие походы. Были походы в два места: на Секир-горку и на Муксалму. Работники Секир-горы уже знали, что будет школьный лыжный поход. Они готовились к нашему приезду, печки топили и так далее. Мы там ночевали где-то две ночи. Катались с этой Секирки, только не там, конечно, где лестница, а там, где баня была — там такой спуск затяжной, длинный был. Прямо вылетали на самое озеро.

У нас был авиаотряд, который базировался на Большой Муксалме в здании двухэтажном, оно было жилое, там даже был огромный кинозал. Мы тоже туда ходили в лыжный поход, нас там принимали.

Во что играли? Какие детские игры были?

У нас «лапта» была самая первая игра. Потом «городки», «чижик», «разбивалочка», «монетки»... Биты делали из свинчатки, отбивали... Такие специалисты были переворачивать монеты! Телевизоров у нас не было, поэтому сами себя развлекали. И было намного интересней, чем сейчас. Сейчас молодежь не видно, а мы-то за зиму по три — четыре пары лыж умудрялись сломать. В футбол гоняли. Тогда вообще была спортивная жизнь, а сейчас ведь никого на улице нет. Как умер поселок. Идешь, удивляешься.

Мы сюда переехали двенадцать лет назад, я еще помню, как в хоккей тут гоняли...

Да! Про хоккей у меня воспоминания такие, что... Мы обычно выставляли дозорных. Приходишь домой — первым делом стараешься, чтоб тебя не «засекли». Это самое главное — улизнуть из дома. Ключку захватить с собой и коньки. А потом, значит, играем дотемна. Потом дозорный кричит: «Сашка! Мать идет с ремнем! Ата!» А ноги уже все — подламываются — ведь набегаешься на коньках. И — бегом домой. А она сзади: «Догоню все равно!» А лыжи мать покупала, не жалела денег.

Каждая горка была объезжена, и на каждой горке умудрялись трамплин сделать. Очень спортивные были, очень спортивные.

С.А. Лёвкина

Серафима Александровна, расскажите про своих учителей, пожалуйста.

Первая учительница у нас была Таранова Валентина Ивановна, муж ее здесь был председателем сельского совета. Была у нас еще учительница, которую мы очень любили, Галина Ивановна. Она физику преподавала и была у нас классным руководителем в десятом классе.

В школе учеников было много, учились мы в две смены. Потом, когда стали воинскую часть отсюда убирать, то учеников стало меньше. А когда мы в 62-м году десятый класс заканчивали, нас осталось 10 человек.

При вас начали Хутор Горка осваивать?

Да. На Хутор Горка нас из школы возили на машине работать. Там был очень большой малинник — сейчас его там уже нет, и мы его расчищали. Руководитель была Марья Ивановна Андреева. Она просто энтузиаст была своего дела, она даже там жила.

А директором кто был?

Павел Васильевич Витков. Очень интересный мужчина, историк. Он первый начал заботиться о судьбе Соловков, начал писать в газеты, что надо здесь все возрождать.

В музей, наверно, вас водил?

Да, он нас водил на экскурсии, еще школьниками. Один раз он провел нас на паперть Преображенского собора, и говорит: «Здесь у вас скоро будут тысячи туристов,» — и слова его сбылись. Под его руководством организовали первые курсы экскурсоводов. Здесь была Маргарита Михайловна Пожинская. Она в островной библиотеке работала и на общественных началах начала вести курсы экскурсоводов, выписывала много литературы из «Ленинки» и подготовила первых экскурсоводов. Наши учителя, врачи, вся интеллигенция сельская водили экскурсии.

Раиса Денисовна Сысоева у нас самодеятельностью занималась, так она поставила оперу «Евгений Онегин». Это конечно было событие. Участвовали воинская часть, учителя и ученики — многие пели, декорации настоящие были... А к каждому празднику — обязательно хоровые выступления.

По литературе у нас была очень интересная учительница интересная — Моисеева Зинаида Андреевна. Она так

любила литературу, и нас этим тоже заражала, и мы, конечно, очень любили ее занятия.

А комсомольские собрания, пионерская жизнь, зарницы — это все было?

«Зарница» была очень интересная, ее всегда проводила воинская часть, моряки. Мы выезжали в Савватиево, и там у нас проходила эта игра каждый год на день рождения пионерской организации 19 мая.

У воинской части шефство над нами было. Военные постоянно ходили в школу, вели кружки. Воинская часть, конечно, здесь ритм жизни придавала.

Расскажите, пожалуйста, про демонстрации.

Мы собирались все у школы. Трибуна была на стадионе, у ДЭС. Шли с флагами, портретами руководителей партии. А школьники-отличники несли вырезанные из фанеры пятерки и четверки (смеется). Еще рисовали на фанере голубей и тоже с ними шли.

Мне почему-то запомнилось, что 1-го мая всегда солнышко было.

Куда Ваши одноклассники после школы поступили? И что с ними потом было?

Двое поступили в библиотечный техникум, Любовь Ивановна Смирнова поступила в Пединститут в Архангельске, Саша Егорова училась на бухгалтеря. Одна девочка поступила в Северодвинский техникум, Саша Чеботарев одно время даже председателем сельского совета здесь был. Потом он работал в Архангельской администрации. В общем, все поехали учиться на материк, но потом в основном все вернулись обратно на Соловки.

Н.А. Сысоева

Надежда Александровна, Вашей первой учительницей была Мария Ивановна Чистякова? А кто тогда был директором?

Да, я у нее училась три года, и я думаю, что Мария Ивановна вам наверняка рассказывала о таком человеке, как Павел Васильевич Витков. Он 4 года был директором Соловецкой школы, человек очень интересный, очень редкий человек, истинная индивидуальность, такой мягкий северный интеллигент. Он учился в Ленинграде, но ему не дали доучиться, по известным вам причинам. По специальности был он химиком, приехал в Архангельск, работал в Архангельске, потом в 58 или в 59 году его за какую-то

провинность сослали сюда, хотя официально было объявлено, что он послан для укрепления соловецкой школы. Он все время говорил: «Надо спасать Соловки». Вроде бы человек далекий от истории, далекий от искусства, химик, тем не менее, ему были очень дороги Соловки. Мария Ивановна вам, наверное, говорила, как он мягко относился ко всем учителям, удивительно. Даже выговор он делал где-то там в уголке возле окошечка, очень так незаметно. Он уехал отсюда в 62 году. Он очень много писал о Соловках, письма писал, по инстанциям писал, чтобы возвратили истинную историю Соловкам. Вот с такой отдачей, с такой энергией, всего себя отдавал Соловкам. Ещё была одна очень интересная учительница — Мария Ивановна Андреева. Она вела у нас биологию, ботанику, зоологию, вот её силами, её энтузиазмом, мы работали на Хуторе Горка — это был наш пришкольный участок. Это был тоже удивительный человек, по образованию не педагог, но редкостный педагог.

В школе была своя машина, но очень часто мы ходили пешком на хутор, ну, конечно, детям это было не просто идти 5 километров туда, обратно, по жаркой погоде, там ещё работать, и она как-то умела нас организовать, рассказывала какие-то невероятные истории, сейчас эти истории зовутся мыльными операми. Ну... барышням-девчонкам было всё это, конечно, интересно, и мы совершенно не замечали, как доходили до хутора и как возвращались обратно, мы совершенно не замечали дороги. Это было начало 60-х годов.

С.А. Гаврилова

Светлана Анатольевна, расскажите, пожалуйста, про школу, про своих учителей.

В школу я пошла здесь, на Соловках.

Я считаю, что мне очень повезло в жизни с учителями, и особенно в том, что первой моей учительницей была Мария Ивановна Чистякова. Ой, сколько ей нужно было для нас терпения иметь! И она терпеливо вкладывала в наши головы понятия о правде, добре, дружбе. И все эти слова ежедневно проверялись и закреплялись житейскими ситуациями. Она спокойно и без нервов могла все урегулировать в одно мгновение. А учиться было легко

и весело! Кроме школьной программы Мария Ивановна придумывала нам различные праздники... и мы с большим удовольствием пели, танцевали, ставили сценки. Я не помню, чтобы она вообще когда-то повышала голос. Она как-то так умела сказать...

Есть ещё замечательный человек и учитель, который много-много-много мне в жизни дал... Это Раиса Денисовна Сысоева. Её, наверное, вспоминают многие и многие. Вот я помню свой первый концерт, когда я вышла на взрослую сцену. Не в детском саду, не в школе, а на большую сцену. Я пела песню какую-то, из песни той помню только строчку: «С солнышком, солнышком в ногу ты шагай». А у меня все время сползали гольфы. И я, стоя на сцене, пела и подтягивала гольфы, такой вот у меня был дебют на сцене. Ну а потом когда училась в школе, все 10 лет занималась самодеятельностью.

Учителя у нас были замечательные. В основном это были жены военных, они люди тоже творческие. Вот только чего стоит Эмилия Петровна Ракуть, например. Она преподавала немецкий. Этот немецкий язык у нее знали даже самые нерадивые ученики. По крайней мере словарь. Химию, ботанику и биологию у нас преподавал Бровин Николай Владимирович. Эти предметы в его изложении были понятны, он все объяснял на простых житейских примерах.

Классы тогда большие были в школе?

Наш класс был 26 человек. Для Соловков это большой класс. Директором школы тогда была Алимova Ирина Николаевна. Потрясающий директор. Она нам говорила: «Хотите потанцевать? Готовьте вечер». И мы сами готовили: шли в часть, с ребятами договаривались о КВНах, проводили тематические вечера. Шикарные вечера! Раиса Денисовна нам помогала делать. Вот, например, мы ставили кусочек из оперы «Пиковая дама». Я была Лизой. Ни ходить, ни присаживаться «как дамы» мы, естественно не умели, так Раиса Денисовна нас учила правильно на стул садиться, нащупать пяточкой ножку стула и садиться на краешек, держать спинку прямо... а Раиса Денисовна говорила: «Куда ж ты! Платье, аккуратно, двумя пальчиками!» Вот был у неё стиль... Это вообще была потрясающая женщина - в таком возрасте она ходила на каблуках, с прической и на концерт всегда приходила в концертном костюме.

Она была художественным руководителем клуба?

Она была учителем пения в школе. А до того она в доме офицеров работала, но это до меня, до того как я в её руки попала. У нас хор был такой! Многие ли слышали, что у «Полонеза» Огинского есть слова? А мы его пели. У нас хор занимал всю сцену. У нее хочешь — не хочешь, а запоёт любой. Это были и моряки, и офицеры, и учителя, и мы, школяры, и другие соловчане... Она слышала каждый голос из целого хора. Это уникальный музыкант.

А кто в «Пиковой даме» исполнял партию Германа?

Учитель литературы, Горбенко Алексей Алексеевич, я жутко стеснялась когда он появлялся...

А как он в школу попал?

Он с женой приехал сюда. И жена у него тоже литератор. Какая она была красавица! Нина Иосифовна. А как она читала поэму «О разлученных лебедях»! До сих пор в глазах стоит.

А вы с островов со школой куда-нибудь выезжали?

В 9 классе, нас на зимних каникулах возили в Питер. Жили в каком-то интернате, дети, видимо, уехали на каникулы, и нас туда поселили, вот это было здорово!

В походы, наверное, ходили?

Да. Мы ходили везде. Чаще всего на маяк (на Секирную гору — ред.). Маячники всегда нас очень доброжелательно привечали. Ходили в Савватьево, на Реболду и Муксалму..., и везде — с ночёвками. И везде с нами ходила наша классная руководительница — Лидия Александровна Сухих. Она пришла к нам, когда я училась в 6-м классе. Я хорошо помню, как впервые увидела ее... Мы с подружкой Леной Пичугиной в конце летних каникул заглянули в школу, зашли в свой класс, а там две молоденькие учительницы сидят. А мы как раз знали, что нам должны новую классную дать, потому что наша предыдущая уехала. И вот мы с Леной посмотрели так на них из-за дверей и сразу выбрали Лидию Александровну. Она была замечательная! Она с нами ходила в походы, она прыгала с нами через костер, рассказывала какие-то истории... Вообще, мне про школу как-то всегда очень светло вспоминается. Про каждого учителя можно рассказывать и рассказывать...

«Как мы дышим, так и пишем...»

Соловки — поистине неповторимый уголок земли. Здесь каждый камень, каждая тропка, каждый всплеск волн или крик чайки — все впечатляет и оставляет неизгладимый след. Наверное, поэтому на Соловках живут удивительно талантливые дети. Они открыты и чисты и тонко чувствуют мир природы. Они очень наблюдательны и умеют передавать свои впечатления. Их стихи — это не творения профессионалов. Это настроение, эмоции, любовь ко всему окружающему, знание своей маленькой родины. От этих «шедевров» веет теплом и святостью.

Е.А. Постоева

рис. Ани Березанской

Соловецкой школе — 70!

Чтоб описать — не надо краски,
Не покривит моя душа:
Ты белокаменна прекрасна,
Гостеприимно и светла!

Твое богатство — это люди
В слияньи юных и седых.
И молодость извечно будет
Средь оных спутников твоих.

Года текли. Менялись лица.
Твоя не старилась душа.
И каждый год сюда учиться
Вновь первоклассники спешат.

И каждый год из лета в лето
В путь добрый провожаешь ты
Своих любимых славных «деток»,
Надежд посланцев и мечты.

Твой юбилей для нас отрада,
Здесь все — ученики твои.
Слова любви сказать мы рады
И благодарности свои!

Выпуск 2004 года

Соловки

В краю, где каждая тропа
Исхожена, изведена,
Есть милые для нас места,
Что бабушкой поведаны.
И вот плывут передо мной
Ее воспоминания:
И Муксалма с Фавор-горой,
И старой школы здание,
И чайки в море над волной,
И сладкий вкус морошки,
И звонкий голос под горой
Соседского Сережки.
За соловецкие леса
Уходит небо круто.
Заря, как рыжая лиса,
Плутает в нем все утро.
Все мило в этих мне краях,
И небо так безмерно сине...
Кто не бывал на Соловках,
Тот не видал России!

Постоев Тимур

Соловецкий камень

Как одинокий гражданин,
Как на чужбине чужестранец,
Средь грациозных дам осин
Стоит он здесь совсем один.

Пускай оброс он бородой,
Пусть трещины язвят нагое тело,
Он, как и прежде — молодой —
Перечит всем стихиям смело.

Ветра, дожди — все нипочем ему —
Пусть даже пожирает пламень...
Вы спросите, наверно: «Почему?»
Ответ простой — он просто камень...

Алямкина Таня

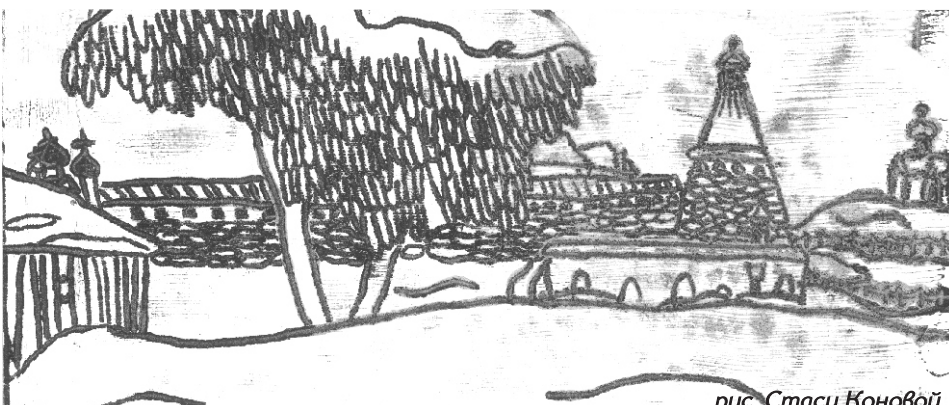

рис. Стаси Коновой

рис. Юли Кульбиды

*** **

Я тебя представляю такой:
Тонкий стан, золотистая кожа,
Голос ласковый, словно прибор...
Не пойму, на кого ты похожа?

Загораются ярким костром
Твои огненно-рыжие кудри.
Как мечтаю с тобою вдвоем
Я забыться в рассеянном утре!

Ты такая, как есть! Ты одна!
Пусть бываешь капризною очень...
Я влюбилась в тебя навсегда!
Соловецкая тихая осень!

*** **

Не экзотичен облетевший лес,
Но сквозь ветвей прозрачное сплетенье
Слепит глаза сияние небес,
В которых — «божество и вдохновенье».
Не золотит песок с каймой камней...
Повсюду сыро, грязно... Ну так что же?
И солнце наше ниже и бледней,
Но тем оно нам более дороже...

11 класс, выпуск 2009 года

рис. Сони Гендлиной

Острова

Когда мы слышим слово «остров», сразу же перед глазами всплывает картинка: синее-синее море, маленький клочок земли с пальмочкой на краешке и веселым негритенком. Но ведь остров — это не только оторвавшийся от материка кусочек земли. На самом деле, остров — это отдельный мир! Каждый «остров» нужно рассматривать и узнавать его очень долго, чтобы понять всю его «душу».

Например, наш Соловецкий остров. Это настоящий уникальный мир со своей, присущей только Соловкам, душой. И в этом мире есть «островок», к которому стремятся люди, нуждающиеся в духовном обогащении или просто в поддержке. Таким «островком надежды» для них стал наш монастырь.

А душа самого человека?! Разве это не океан, в котором так легко можно утонуть?! Сколько в этой душе светлых и темных «островков»! Как разобраться в них?! Как найти тот единственно верный курс среди множества островных рифов?!

Человеческая память тоже состоит из отдельных «островков». Это те отрывки, эпизоды из жизни, которые запомнились человеку больше всего. Это бывают счастливые минуты из детства или мгновения, когда душа испытывала наслаждение, ощущала всплеск эмоций. Но есть «острова памяти», которые остались из-за переживаний, стрессов, бед. К сожалению, человек не может «утопить» такие острова в океане своей памяти. Да и надо ли это делать? Эти «островки» помогают плыть по безбрежному океану жизни, учиться выбирать правильные решения и не затеряться среди невзгод и препятствий.

Да и сам человек — это тоже своего рода уникальный «островок» в безбрежности людского океана. У каждого из нас свой мир, свое внутреннее «я», свои загадки и тайны.

Есть еще множество различных воображаемых островов. Чем богаче и ярче душа человека, тем больше ассоциаций и вариантов может возникнуть в его мыслях.

Я бы еще выделила для себя «острова» музыки. Она тоже наполнена духовностью и способна вселять веру и надежду. Когда слушаешь грозное мощное произведение, подавляющее тебя своими аккордами, чувствуешь себя какой-то маленькой, потерянной... Словно ты оказываешься на необитаемом островке, а вокруг безграничное водное пространство... Но вот донесли робкие легкие нотки, которые внесли просветление в твою душу, навеяли хорошее настроение. И ты уже не чувствуешь себя потерянным, ты уверен в своих силах и знаешь, как справиться с положением. И вновь появляется надежда...

Таня Алямкина

*** **

В пальто из грязи, под зонтом из листьев
Шагает лихо осень по земле.
А Соловки под водопадом киснут
И в раннем сентябре, и в октябре.
Пусть редок осенью денек погожий,
Деревьев сарафаны в клочья рвет.
И все ж кураж осенний — знак хороший:
Природа щедро все весной вернет.

11 класс 2009 года

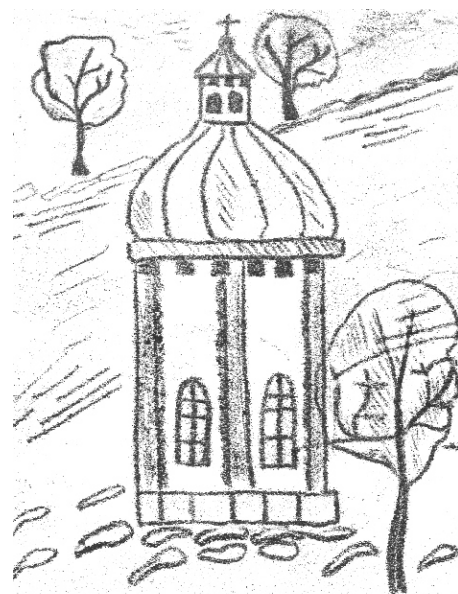

рис. Даши Харченко

«СМ. Вестник» № 3 (67), сентябрь 2009 г.
Тираж 300 экз.
Учредитель: ФГУК «Соловецкий
государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник»
Адрес редакции: 164070 Архангельская
область, пос. Соловецкий, здание
администрации СГИАПМЗ
(Новобратский корпус), каб. 319,
Тел. 8(818)3590 281
www.solovky.ru
e-mail: museum@solovky.ru
Ответственный за выпуск: Баландина А.А.
Вёрстка: Носикова С.А.